

18+

ОКСАНА
КОЖЕМЯКО

БОЛЬШЕ ЧЕРНОГО

САГА О ПИРАТЕ

Оксана Кожемяко

Больше черного

<https://litres.ru/74492782>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь пирата полна опасностей и интересных приключений. Какие обстоятельства повлияли на выбор жизненного пути? Чем отзовутся необдуманные решения? Книга о приключениях, любви, выборе и честности перед самим собой. Эстетика XVIII века, захватывающие приключения, неожиданные повороты судьбы!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

109

Оксана Кожемяко

Больше черного

Моему отцу Георгию Кожемяко посвящается эта книга.

Обо мне и моих планах.

«Время разбрасывать камни, и время собирать камни».

Екклезиаств 3:5

В Англию судьба закинула меня, когда мне уже минуло сорок три года. Я путешественник и исследователь, родную землю покинул около двадцати лет назад и, по правде сказать, вполне законный вопрос, чей я как подданный, приводит меня в некоторое замешательство. Но это не потому, что мне отшибло память, а потому что за долгие годы скитаний я стал, не побоюсь высказаться прямо, неким человеком мира.

Давным-давно завербовавшись на торговое судно лекарем, я оставил берег, вскормивший меня, и отправился в долгое путешествие. По долгу своему я врачевал раны, полученные в сражениях, и лечил разнообразную заразу и говорю, как доктор, что кровь у всех красная, а поносу подвержены и простолюдины, и аристократы, и все мы равны перед телесными недугами также как перед Богом. Я, конечно, придумал не первый, я просто в очередной раз уверился.

Не хочу казаться хвастуном, но тот факт, что стопы мои оставили следы и на Востоке, и на Западе, и как, следствие на Юге и Севере, просто неоспорим. В свободное от иссле-

дований человеческих внутренностей время, я писал. Писал о людях, населяющих неведомые мне ранее страны, об их радостях и горестях, об их победах и поражениях, о зиме и лете, о том, что питает душу человеческую, независимо от цвета оболочки телесной. И все же я искал одного человека, человека, о котором я смогу написать роман. Хороший, добрый роман, с пронизывающим финалом, способным долго отзываться в сердце переживанием и томить мозг задумчивостью.

Что греха таить, в своих странствиях я много повидал народу, и много среди них было замечательных людей, вполне подходящих для моего замысла, а чего-то всегда не доставало. Казалось, и храбрости, и мудрости, и искры Божьей в достатке, но....

В конце концов, я решил, что от добра добра не ищут, и выбрал для будущего литературного полотна своего друга, капитана последнего моего плавучего пристанища, мистера Хармса. Капитан Хармс выходец из лондонской бедноты, сын ремесленника, сам пробивал себе дорогу в жизнь. Пройдя нелегкий путь от юнги до капитана, стойко вынося все невзгоды морской службы и насмешки своих коллег из знатных семей, он добился огромного уважения, как со стороны командования, так и тех, кто, когда-то считал его самонадеянным выскочкой. К тому же товарищ мой был человеком чести и слова. В общем, мистер Хармс был вполне подходящим материалом для моих литературных экзерциций,

хотя я понимал, что мне придется не раз прибегнуть к своему воображению, дабы сделать образ его более объемным и красочным.

О последнем корабле я упомянул не зря. Дело в том, что я решил осесть и поселиться в Англии в маленькой уилтширской деревушке, планируя обрести уютный домик с палисадником и нанять экономку, строгую и неприступную как монашка. Состояния я не нашёл, но на скромную крышу над головой скопил. О большем я не грезил, ибо я был богат, по-настоящему богат своими впечатлениями и знаниями, дружбой со многими достойными людьми. По сути, я обрёл Бога и понял его замысел. Может это слишком самонадеянное утверждение, но мне хочется так думать.

Итак, распрощавшись с командой «Меркурия», торгового судна Его Величества и крепко обнявшись с капитаном Хармсом, упомянутым выше, летом 1777 года я ступил на берег Британии. Последние несколько лет я ходил в плавание на английских судах и был дружен со многими британскими моряками, и страна эта всегда притягивала меня своей непохожестью на другие европейские государства, а ее изумрудные луга и цветущие яблоневые сады грезились мне во снах.

В общем, выбор был сделан, и я стоял на пристани в Бристоле, озираясь в поисках транспорта. С тоской поглядывая на свой объемный багаж, состоящий в основном из рукописей, дневников и словарей, я узрел паренька лет семнадцати, без толку оттирающегося на пристани. В моей ладони сверк-

нула монета, и глаза молодого джентльмена сверкнули в ответ, меня же поразила собственная щедрость. Мы поняли друг друга без слов, хотя я и мог прибегнуть к моему «безупречному» английскому языку. Заговорить пришлось, чтобы узнать о транспорте. Юноша, молча, ткнул пальцем в сторону скромного архитектурного сооружения, подле которого я увидел почтовую карету. Возница порадовал меня своей внешностью, именно так я себе представлял среднего жителя острова туманов. Это был здоровяк ростом шести футов с хвостиком. Его чуть выбритые щеки покрывал буйный румянец, – надо полагать, следствие пристрастия его к выпивке или постоянного нахождения на свежем воздухе. Серые глаза возницы светились озорством, будто Лукавый нашептал ему на ушко нечто чрезвычайно секретное. Облачен человек был в коричневый суконный кафтан, поверх которого накинута тяжелый дорожный плащ, на ногах в грубых чулках красовались башмаки с пряжками, а треуголка залихватски сдвинута на рыжий затылок.

После непродолжительных переговоров с возницей, мы ударили по рукам, и я сделал знак моему юному другу, дабы он нес весь мой скарб к карете. Я огляделся и выяснил, что не являюсь единственным охотником поездки. У нашей кареты уже топтался в нетерпении священник, весьма мрачного, но торжественного вида. Тучная пожилая леди в сопровождении компаньонки с желчным нервным лицом степенно коротала время в чтении Библии. Слуга сей дамы, тоже

весьма упитанный, пыхтя и недовольно бормоча себе что-то под нос, устраивал всевозможные коробочки, сумочки и саквояжики на крышу кареты. Чуть поодаль я заметил высокого мужчину лет тридцати шести-восьми в мундире капитана морского флота. Его открытое, весьма загорелое лицо производило приятное впечатление, и в душе я пожелал, чтобы в этой поездке моим соседом оказался он.

Юноша, щедро мною одаренный, лихо взгромоздил мои пухлые стопки бумаг наверх кареты. Пассажиры устроились на своих местах, причем я как бы невзначай придержал место для моряка, – рядом со мной норовил приземлиться пастырь душ человеческих, и соседство это грозило мне скучной проповедью, – возница гикнул, свистнула плеть, и мы тронулись в путь.

Я получаю неожиданное предложение .

В начале пути пришлось отказаться от созерцания достопримечательностей. Мне потребовался час, чтобы привыкнуть к новому способу передвижения. Здесь не было качки, здесь была тряска. Но потом я освоился и уже с удовольствием наблюдал за сменой картинок за окном. Небо – тяжелое, грозовое в сочетании с драматичностью серо-синих небес и изумрудом полей выглядело неподражаемо. В этой суровой почти графической красоте чувствовались и величие, и мощь. Сытый по горло сладострастными тропическими пейзажами мой взор с наслаждением впитывал холодную роскошь британской природы. Я был рад, что именно эти места

станут моим пристанищем в ближайшие годы, местом, где я в тиши и покое смогу заняться систематизацией своих записок и дневников, и своим романом. К тому же предчувствие того, что здесь я обрету новых друзей, и моя жизнь пополнится общением другого качества, а душа обогатится свежими переживаниями, наполняло мое воображение чудесными картинами. Я был в восторге. Вдали проплывала деревушка, утопающая в молочной дымке тумана. На лугу паслись холеные коровы. Жуя траву, они провожали нас равнодушным взглядом. Порыв свежего ветра ворвался в душное пространство кареты. Скоро начнется дождь.

– Это деревня называется Фог-Кросс, ее жители варят неплохой эль, – придвинувшись ближе к окну, произнес мой попутчик-моряк, будто отвечая на мой не заданный вопрос. – Мы остановимся здесь ненадолго. Как вы относитесь к тому, чтобы немного промочить горло?

Я обернулся и увидел на его лице улыбку и улыбнулся в ответ.

– Отказаться от возможности выпить, это верх глупости, по-моему, – ответил я, чрезвычайно радуясь, что разговор завязался.

– У вас интересный акцент, – заметил моряк. – Похоже, вы прибыли издалека.

– Вы правы, – улыбнулся я и, не прибегая к лишним подробностям, решил представиться: – Алекс Ранду, корабельный врач.

– Капитан Сэмюэль Харрисон, – тоже без вступлений отрапортовал он. – Если я правильно понял вас, мистер Ранду, вы составите мне компанию?

– С удовольствием!

Вскоре мы уже сидели в маленьком заведении, где местные жители собирались после трудового дня и в нарастающем рокоте бесед наполняли свои утробы элем, а карманы хозяина монетами. Капитан оказался прав, эль действительно был преотменным. С утра мне не удалось поесть, и я немного пьянел и, судя по всему, капитан тоже. Как бывалые «морские волки» мы закурили трубки, предварительно и очень любезно обменявшись табаком. Здесь, при неверном свете свечей я попытался разглядеть моего нового знакомого. Капитан Харрисон был неплохо сложен, и я как врач заметил по его белозубой улыбке, что он обладал изрядным здоровьем. Его длинные темно-русые волосы, связанные сзади в хвост при мерцающем свете, немного отливали медью. Синие глаза капитана, славно сужавшиеся в веселом прищуре, когда он улыбался, ярко выделялись на загорелом волевом лице. Вообще он производил впечатление славного малого, отменного вояки и строгого, но и, как говорится, справедливого командира. Я подумал, что, наверное, матросы его очень уважают.

– Вы женаты, мистер Харрисон? – спросил я, после того как мы уже обсудили все прелести морской службы.

– Да, – ответил капитан, улыбнувшись, и я заметил, что

его взгляд потеплел. — После почти полугодового отсутствия я сгораю от нетерпения увидеть миссис Харрисон. Знаете, мистер Ранду, я до сих пор не верю, что эта женщина носит мое имя и, родила мне пятерых ребятишек.

— Вы счастливый человек, капитан, — почему-то грустно произнес я. — А я вот так и не удосужился обзавестись семьей.

— Кто вы по вероисповеданию, мистер Ранду? — переводя тему в другое русло, вдруг спросил моряк.

Я отдал должное капитану. Вероятно, он тоже разглядывал меня, как и я его, и теперь немного озадачен моими явно не европейскими чертами лица, но традиционно европейским поведением.

— Хороший вопрос, капитан, — кашлянув, изрек я. — Отвечу ли я в полной мере на него, если скажу, что верю в Высший Разум, рьяно принимавший участие в создании людской расы, въедливо вглядывающийся в человеческие поступки, ведя счет грехам нашим и сурово наказывая своих неразумных детей. Он дает понять, что жизнь на земле не что иное, как исправительный дом. Невзгоды, шлифующие наши души, призваны делать нас мудрее и лучше, а счастливые минуты даны лишь для того, чтобы мы знали, что кто-то нежно заботится о нас, в принципе беззащитных существах, посреди огромной и холодной Вселенной. Я не поклоняюсь ни одному из богов, но стал относиться с уважением к большинству религий, после скрупулезного изучения священных книг. В

обывательском понимании проблемы, я – безбожник, но с точки зрения науки я – верующий, а пью я как добрый христианин! – закончил я и поднял свой сосуд с элем.

– Очень интересный подход к вере и религии, – улыбнулся мой собеседник. – Что касается меня, то я обычный прихожанин одной из уилтширских церквушек. Как моряк в меру верующий и в меру суеверный, – заключил он и хлебнул из своей кружки.

– Так значит вы живете в Уилтшире, капитан Харрисон? – спросил я.

– Да, в поместье моего тестя, Латус-хилле, – ответил он. – А вы тоже направляетесь в Уилтшир?

– Да, это моя цель. Хочу снять небольшой дом, осесть.

– А где думаете остановиться сначала?

– В Солсбери, в какой-нибудь гостинице. Надеюсь, ненадолго, – неуверенно произнес я.

– А почему вы выбрали именно Уилтшир, мистер Ранду? – поинтересовался капитан.

– Сам не знаю, – пожал я плечами. – Думаю, наверное, потому что на «Меркурии» почти вся команда была из Уилтшира, вот и меня туда потянуло, будто на родину. В общем, решение шальное. – Я засмеялся.

– Ну, коль вы, доктор Ранду, так безрассудны, то не погостить ли вам в Латус-хилле до тех пор, пока вы не найдете подходящего жилья? – просияв, выпалил мой дорожный знакомец.

– А вы, капитан, уверены, что мое присутствие доставит удовольствие вашим близким? – усомнился я.

– О, доктор, не беспокойтесь! – воскликнул моряк так радостно, что я подумал о его крайней степени опьянения и о той неловкости, которая непременно возникнет у нас, когда трезвость вновь овладеет его разумом. – Моя супруга очень общительный человек и всегда рада новому интересному знакомству, а вы, мистер Ранду, без сомнения человек интересный. Мой же тесть изнывает от вынужденной оседлости, ему не хватает воздуха и свежих впечатлений. Собеседник вроде вас поможет ему справиться с хандрой. Решением суда он не имеет права выезжать дальше своих собственных владений, а для него это хуже смерти. – При этих словах капитан погрузился, и, махнув рукой, залпом осушил, уж не знаю какую по счету, кружку эля.

Его последняя фраза меня заинтриговала и, я оживился.

– За какие такие грехи, капитан, вашего тестя держат под домашним арестом? – поинтересовался я как-то небрежно.

Капитан посмотрел на меня совершенно ясным взором.

– Вам изложить коротко, доктор? – придвинувшись ближе ко мне, спросил он.

– Ну, как сможете, – изрек я.

– Пиратство, убийство, присвоение имени убиенного, побег с каторги, – полушепотом изложил капитан и, откинувшись на спинку стула, многозначительно приподнял брови.

– И это все? – сыронизировал я. – Не маловато?

– Не ёрничайте, мистер Ранду, – с серьёзным видом произнес моряк. – У медали две стороны. Капитан Гуилхем – герой. Его фантастическая тактика в бухте Киберон, его знаменитый бой при Рестигуше, когда он служил под командованием адмирала Байрона, войдут в историю флота Британии. Он с командой необстрелянных лейтенантов и курсантов уничтожил французский флагман. Он не проиграл ни одного сражения. Он моряк от Бога. В последний свой бой он лично вывел с горящего корабля четверть команды, а сам чуть было не сгорел заживо. Но обстоятельства пошли против него, его оклеветали и отправили на каторгу. Из него пытались сделать чудовище. Да, в молодости он наделал много ошибок, но кто, черт возьми, в этом мире может похвастаться кристальной чистотой своего прошлого? – капитан Харрисон сверкнул аквамариновым взглядом и ударил кулаком по столу. – А Гуилхем всегда платил по счетам и сверх всякой меры.

Тирада капитана, а, равно как и жар с коим она была произнесена, меня слегка потрясли, но искреннее восхищение зятя тестем, человеком, по всей видимости, богатой биографии, меня заинтересовало. Я почувствовал, – этот самый капитан Гуилхем, личность весьма примечательная, – это материал! (Прости, старина Хармс!) Судя по всему, мой приятель, отрезвленный рассказом, уже мог рассуждать здраво, и, я решил получить подтверждение его давешнему приглашению.

– Скажите, капитан, – как можно небрежней произнес я.
– Ваше предложение, относительно моего вторжения в дом вашего героического тестя еще в силе?

– Так вы, мистер Ранду, согласны? – улыбнулся моряк.

– Еще как! – в свою очередь продемонстрировал я свою радость. – Теперь я просто сгораю от нетерпения познакомиться с вашим воинственным родственником и общительной супругой.

– Вы не пожалеете, доктор! – по-дружески хлопнув меня по плечу, подвел итог капитан.

Знакомство.

К вечеру того же дня мы добрались до Латус-хилла. Из окна кареты мой еще хмельной товарищ показал мне серую кровлю, мелькнувшую средь курчавых крон вековых дубов и вязов. Старинное здание, вскоре показавшееся из-за деревьев, со стремящейся ввысь крышей и вытянутыми «по струнке» окнами, я бы смело отнес к классическому образчику времен правления Тюдоров. Но Латус-хилл, конечно, был древнее, чем выглядел, и вел род свой из такой глубины веков, что только одним полу латинским названием мог поведать нам о своих глубоких морщинах и старческой одышке.

Его стены здорово пострадали во время выяснения отношений Ланкастеров и Йорков. Пока достопочтенные фамилии вырывали друг у друга корону Англии, а владелец замка оживленно участвовал в битвах, поместье приходило в

упадок, и пребывать бы ему по сей день в полуразрушенном состоянии, если бы не один из предприимчивых потомков славного рода. Он то и возродил былое величие поместья, помимо реконструкции здания, устроив вокруг дома чудесный парк с вязовыми и дубовыми аллеями, прудами и розариями.

Возница выгрузил нас у кованых ворот, и слуга капитана Харрисона поспешил открыть нам калитку. Пока мы с моим элейным другом шуршали гравием по дорожке, ведущей к парадному подъезду, я с удовольствием вдыхал прохладный влажный воздух, который пришелся как нельзя, кстати, моему затуманенному веселящей жидкостью сознанию деревни Фог-Кросс ¹.

Тропинка вильнула в очередной раз, и расступившиеся вязы открыли вид на главный фасад дома. Да, это Англия! Все величественно и таинственно, стройно и традиционно. Садящееся в грозовую тучу солнце, скупое осветило бледно-желтыми лучами завитый жимолостью замок. Если бы сейчас нам навстречу явился призрак с отрубленной головой под мышкой, я бы, наверное, не удивился, а приветливо и добродушно пожелал бы ему доброго вечера.

В разгар моих горячечных раздумий, – иными их не назовешь, – я узрел, как парадная дверь распахнулась, и из нее выпорхнуло видение.

Неужели! Я не ошибся?

¹ Фог-Кросс – (*Fog cross* – туманный крест) деревня, выдуманная автором.

Но при виде сего создания, воздушного и нереального в эту сумеречную пору, мой приятель восторгнулся и бросился навстречу.

«Стало быть, миссис Харрисон!» – мелькнула у меня догадка.

Я подошел, и целующаяся парочка распалась на две составляющие. Супруга «морского волка» поразила меня своей внешностью. Статная, гибкая и грациозная словно львица. Ее тщательно уложенная прическа немного растрепалась от бега, что придало ей озорную чарующую прелесть. Темные глаза в обрамлении пушистых ресниц горели лукавством, на нежных щеках играл милый румянец, алые уста еще хранили тепло поцелуя. Она не была белокожей, ее смуглость могла поспорить с нежностью и шелковистостью самого дорогого и роскошного атласа. При виде меня она приветливо улыбнулась, однако ее черные горделиво изогнутые брови приподнялись в немом вопросе: «А вы кто такой, черт возьми?»

– Познакомьтесь, мистер Ранду! – произнес капитан, не скрывая хвастливые нотки в голосе. – Моя жена, миссис Сэмюэль Харрисон. – Она кивнула в знак приветствия, ожидая, наконец, объяснения моему присутствию. – Алиса! – не заставил себя ждать ее муж-счастливец. – Это мой попутчик, доктор Ранду. Узнав, что он собирается купить дом в Уилтшире, я предложил ему погостить у нас, пока он не найдет себе подходящего жилища.

— А я имел наглость принять предложение вашего супруга, сударыня, — оправдался я, смиренно склонив голову.

— Я рада, мистер Ранду, что Сэмюэль не чужд предупредительности, — произнесла миссис Харрисон. — Надеюсь, что вы не останетесь разочарованным нашим гостеприимством.

Она улыбнулась, — если бы я мог вызвать эту улыбку еще раз, — и протянула мне свою руку.

Мы вошли в дом. Гостиная, куда мы попали из просторного холла, была родом из эпохи рыцарских турниров и ласкала глаз своим уютом и утонченностью деталей. У огромного старинного камина, в коем пылали поленья, согревая древние кости замка, стояла пара сурово-торжественных кресел с резными подлокотниками. Их жесткие сиденья были любовно смягчены подушками из пурпурного бархата с выбитым серебром узорами. Ближе к окнам на великолепном ковре, чей рисунок и выделка выдавали его персидское происхождение, образовался островок из диванов, кресел и небольшого столика, более поздней эпохи, нежели их каминные братья, являющий собой милый уголок для неспешных вечерних бесед и игр. Тюдоровская шпалера, изображающая сцены псовой охоты, украшавшая каменную кладку стены напротив входа, переливалась яркими, не подверженными времени и пыли, красками. Высокие стройные окна были изящно задрапированы портьерами из ткани того же царственно-го цвета, что и подушки на мебели. Кованные высокие канделябры по углам гостиной с упитанными свечами и огромная

люстра между тяжелыми балками потолка завершали спетый ансамбль помещения.

– Ужин будет готов через два часа, – проворковала миссис Харрисон. – Надеюсь, мистер Ранду, вы ничего не имеете против горячей ванны?

– О, миссис Харрисон, – проговорил я, восхищаясь ее прозорливостью. – Я мечтаю об этом с самого Бристоля!

– Вот и прекрасно, – сделав знак слуге, она приказала ему, – Джеймс, проводите нашего гостя в его комнату и приготовьте ванну.

Слуга важно поклонился и пригласил меня проследовать за ним.

Получив несказанное удовольствие от благоухающей лавандой водной процедуры, я надел свое лучшее платье (в моем понимании), и воспользовавшись услугами провожатого, спустился в гостиную.

В уже знакомой мне комнате я встретил своего товарища Харрисона, свежего и выбритого и в штатском платье, миссис Харрисон, а также молодого человека лет двадцати, которого мне хозяйка дома представила как своего кузена Уинстона. Я отметил удивительное сходство с миссис Харрисон.

За беседой время незаметно подкралось к ужину. Скрипнула лестница.

– А, зятек, прибыл, наконец, – послышался хрипловатый баритон.

Все посмотрели вверх. Вниз по ступеням неспешно спус-

кался джентльмен, сильно хромая и опираясь на трость.

– Бросил меня на растерзание бессердечной девчонки, а сам поставил грот и adieu², старая морская черепаха, – продолжал ворчать баритон.

– Я рад видеть вас в добром здравии, сэр, – улыбаясь, сказал Харрисон и, приложив два пальца ко лбу, отдал ворчуну честь.

– Кой дьявол, «доброе здравие», приятель, – проскрипел джентльмен, спустившись, наконец, и пройдя к камину, опустился в кресло. – За полгода ни капли рома.

«Бессердечная девчонка», улыбаясь, подошла к нему и чмокнула его в щеку.

– Папочка, перестань ворчать, – прощепетала она. – У нас гость.

Пожилой джентльмен, – на вид ему было около пятидесяти девяти-шестидесяти лет, поднял на меня глаза, когда я вышел из тени почтительно поклонившись. Как врач я сразу отметил, что человек этот чудом выжил в свое время, попав, похоже, в чудовищную катастрофу. В памяти всплыл рассказ капитана Харрисона о пожаре на корабле. Отец прелестной леди, совершенно очевидно, в дни своей молодости отличался внешностью замечательной. Дьявольски красивые глаза, горделивый профиль и смуглая кожа. Теперь его когда-то черные волосы были густо покрыты сединой, морщины нещадно изрезали левую часть лица, а правая... правая

² Adieu – Прощай (франц.)

фактически исчезла под холодящим кровь шрамом, стянувшим в ужасающий адский узел и великолепную бровь, и веко, и ноздрю, и угол губ. Рубец уходил дальше от лица под кружевной галстук и, скорее всего, у старого моряка была искалечена вся правая часть тела, включая ногу, отсюда и хромота. Но блеск, замечательный огонек в глазах, уверил меня в том, что человек этот не сломлен, а душа его все также мятежна и беспокойна, как в дни молодости. И одет он был не абы как, а великолепно. (Чересчур, роскошно для простого семейного ужина; на его фоне мы с Харрисоном выглядели бродягами). Жюстокор³ его синего атласа был расшит серебряным позументом, камзол и кюлоты цвета слоновой кости сидели на нем безукоризненно, – надо сказать, что сложен был сей джентльмен как языческий бог, – ноги обуты в туфли с серебряными пряжками тонкой кожи под цвет кафтана. В ухоженных руках, запястья которых утопали в тонком кружеве, он вертел трость красного дерева, увенчанную набалдашником из рубина.

Мой бесцеремонный интерес не ускользнул от цепкого взгляда старого моряка. Усмехнувшись, он обратился ко мне:

– Мистер, вы так откровенно меня разглядываете, что даже захотелось предложить вам увеличительное стекло.

³ Жюстокор – (фр. *justaucorps* – «точно по корпусу») – тип мужского кафтана, появившийся в конце XVII века и сделавшийся в XVIII веке обязательным элементом европейского мужского костюма, наряду с камзолом.

– Простите, сэр, – ответил я, смутившись и отдав должное его наблюдательности.

– А зятек-то молодец, – подмигнув мне, весело проговорил он, но я четко уловил нотки злого сарказма, – Знает, что я люблю посолоней, побалуясь нынче морской кровушкой.

Я обмер, хотя и понял, что старый «морской волк» шутит, а то, что он безошибочно угадал во мне моряка, уже не удивило.

– Папа! – воскликнула миссис Харрисон. – Не думаю, что доктор Ранду оценит твое остроумие по достоинству, ему не ведомы все тонкости глупых здешних сплетен и рассказней.

– Боюсь, сэр, я жестковат, и не слишком вкусен, – добродушно отозвался я, обращаясь к шутнику. – Как врач, гарантирую вам жестокие колики.

Он хмыкнул и протянул мне руку для пожатия.

– Доктор Ранду, как я понял? Приятно познакомиться с человеком, которому чужды смущение и предрассудки, – произнес моряк, ладонь у него была сухая и крепкая. – Признаться, для меня было полной неожиданностью появление гостя в моем доме, где согласно всеобщему мнению, царит дьявольщина, а его хозяин крестник рогатого весельчака. Мое имя Гуилхем, а впереди можете вставлять все что угодно, капитан или мистер, или старый негодяй, мне все равно.

– Позвольте, сэр, я остановлюсь на общепринятом «мистер» для начала, – сказал я, ничуть не стушевавшись. – А там видно будет.

Капитан Гуилхем засмеялся, и мне понравился этот смех, смех человека способного посмеяться над самим собой, но не позволяющего шутить с его человеческим достоинством. Мы вновь обменялись рукопожатием, на этот раз более энергичным и дружественным.

– Не знаю, как вы, господа, – произнес он, поднимаясь с кресла, (я заметил, что ему при этом никто не помог. Вероятно, капитан Гуилхем был суров к тем, кто проявлял к нему жалость и вытекающую из нее заботу). – А я голоден, как тысяча адских бесов. Надеюсь, дочь моя, – с улыбкой обратился он к миссис Харрисон. – Ты позволишь мне выпить немного вина?

– Всенепременно, батюшка, – нарочито смиренно произнесла леди. – Но только немного, и только вина, и никакого рома.

За ужином царила оживленная обстановка. Говорили о музыке, о живописи и театре. Как я понял, мистер Гуилхем, большой ценитель искусства, позволяет себе приглашать из Лондона музыкантов и артистов для проведения творческих вечеров и домашних спектаклей. О политике не говорили вовсе, что меня чрезвычайно порадовало, ибо я, яростный противник подобных разговоров, считаю, как врач, разумеется, что беседы на сию тему за столом вредны для пищеварения.

Капитан Гуилхем оказался человеком весьма глубоких познаний и самостоятельных, правда, немного резких суж-

дений в адрес некоторых новшеств. Он говорил немного, но емко, не прибегая к поношению, а, давая понять, что любая идея имеет право на жизнь, если она посмела родиться и пробиться и что будущее все рассудит. В общем, я увидел в нем человека эмоционального склада, тонко чувствующего, что не могло мне не понравиться. Не секрет, что я хотел узнать о нем больше, но кое-какие выводы я уже успел сделать. С одной стороны, Гуилхем поражал своей порочностью, но при этом в нем чувствовалось благородство и сила духа. Он был весьма груб, но его нежное и теплое отношение к дочери, читалось в каждом движении и слове. Его причастность к греховным утехам была очевидна, но он и не был обойден самым сильным и прекрасным чувством на земле.

За приятными беседами ужин подходил к завершению и все, казалось, просто великолепным. Но я заметил, что молодой человек, Уинстон, не принимал никакого участия в разговоре. Он сидел молча и вяло ковырял вилкой содержимое своей тарелки. Мистер Гуилхем несколько раз украдкой бросил напряженный взгляд на юношу, не находя ответного, собравшись, он вновь улыбался и продолжал говорить о какой-нибудь музыкальной новинке. Вскоре капитан Гуилхем не выдержал и обратился к молодому джентльмену с едва заметной тревогой:

– Ты ничего не ешь, Уинстон. Ты не болен?

– Нет, сэр, – отрезал юноша. – Я здоров. Просто у меня нет аппетита.

Мистер и миссис Харрисон быстро переглянулись.

– Позволь спросить тебя, сынок, – начал, было, мистер Гуилхем, но Уинстон довольно грубо прервал его.

– Не называйте меня так, сэр! Мне неприятно!

Я увидел, как вспыхнули черные глаза Гуилхема, но тут вмешалась хозяйка дома.

– Уинстон, дорогой, ты устал, – проговорила она так, будто хотела уверить кузена в этом. – Ступай к себе. – И ласково тронув его руку, она с улыбкой кивнула ему.

Юноша послушно встал, пробормотал извинения и удалился. Капитан Гуилхем взял графин с вином, налил себе полный бокал и осушил его залпом.

– Папа, – взмолилась дочь. – Не надо!

– Ничего, детка, я справлюсь, – он поднялся из-за стола и подошел к камину.

Мы не тронулись с места. В воздухе воцарилась напряженность. Полное безмолвие нарушал только веселый треск поленьев в очаге, являя собой символ домашнего счастья и уюта, но так некстати теперь освещаая непростую семейную драму.

– Лучше б дьявол забрал меня сию минуту, – еле слышно произнес мистер Гуилхем. И, вдруг он, резко обернулся к нам, в мочке уха зловеще сверкнуло серебряное кольцо, его точеный профиль осветил огонь.

– Мистер Ранду, – обратился он ко мне. – Не угодно ли прогуляться по парку перед сном? – при этом он сделал жест

рукой дочери, попытавшейся возразить.

– Да, – ответил я немного растерянно, виновато взглянув на миссис Харрисон, она только обреченно пожала плечами.

– Вот и прекрасно, – произнес он. – Я только прихвачу плед, а то проклятая лихорадка опять уложит меня на неделю.

Мистика.

Мы вышли в парк, и, пройдя немного мимо источающего ароматы цветника, оказались у живописного пруда, отражавшего в своей темной воде все богатства небес. В некой точке истины я и капитан Гуилхем, будто по наитию вместе подняли головы вверх.

Где только меня не носило по земле, я никогда не переставал удивляться двум вещам: человечеству в целом и звездному полотну в частности. Созерцание сверкающих небес с завидным постоянством завораживало меня почти до состояния духовного экстаза. Но сейчас английское небо просто околдовало меня. Почему оно мне показалось не таким как везде, отчетливо я объяснить не могу. То ли звезды выглядели ярче, то ли черная мгла глубже, то ли мое воображение не на шутку разыгралось и принялось ткать основу для моего будущего сочинения.

Сколько мы простояли так с закинутыми головами, я не знаю, но вскоре затекшая шея самым меркантильным образом напомнила о нашем земном пребывании. Молчание такое уместное при созерцании магического мерцания дале-

ких планет, теперь казалось неловким. Я ждал, когда мистер Гуилхем задаст тон и тему. Капитан закурил неспешно трубку и, пройдя к скамейке, устроился на ней, сделав мне знак последовать его примеру.

– В обществе хорошего человека и помолчать приятно, – вдруг сказал он, выпустив изо рта струйку дыма.

– Простите, сэр, – сказал я немного озадаченный, так как воспринял эту реплику как упрек. – Я не хотел мешать вашим мыслям.

– А вы умеете читать мысли, доктор? – с иронией произнес Гуилхем.

– Нет, – ответил я сухо. – Сего искусства я не разумею, но мне думается, что вас что-то гложет.

– Полноте, доктор Ранду, – произнес он примирительно. – Не обижайтесь на старого мерзавца. Меня здорово заносит, но это не по злобе, а так от дурной удачи. А то, что меня гложет досада, так вы и сами все видели за ужином. – Капитан посмотрел в сторону, и я увидел, как заходили его желваки. – Этот мальчик очень дорог мне, но как вы заметили он не испытывает теплых чувств к моей персоне.

– Этот юноша ваш сын? – напрямик спросил я.

Гуилхем поднял на меня взгляд, взгляд побитой собаки, такого я никак не ожидал. Мгновение я мог читать в его душе, как в открытой книге, ведавшей о невыносимом страдании. Я увидел это, но только на мгновение. Взгляд капитана вновь стал непроницаем и насмешлив.

– Его мать, леди Уорбрук, была моей любовницей. Впоследствии, однако, она утверждала, что была изнасилована мной. Видите ли, таким образом леди пыталась спасти свою репутацию, – улыбаясь, сказал он. – И до той поры пока мальчик не узнал сей нелицеприятный факт, мы были очень дружны с ним.

– Кто такая леди Уорбрук? – продолжил я свой допрос.

– Жена моего, гм, брата, – небрежно ответил он, медленно выпуская изящную струйку дыма из рта.

– Она жива? – не унимался я.

– Умерла три месяца назад, – без скорби ответил капитан.

Возникла пауза. На секунду я засомневался, хочет ли мистер Гуилхем продолжать разговор. И все же, некое внутреннее чутье подсказывало мне, что сей короткий странный диалог, больше похожий на дознание, определил жажду капитана исповедаться кому-нибудь, и мое общество для него в данный момент было, кстати.

– Я, наверное, должен считать себя счастливым человеком, доктор Ранду, – прервал паузу мой собеседник. – Для человека столь безбожного и, если хотите, безнравственного, я неплохо устроился теперь. Король из милости запер меня здесь навечно. Его Величество все же испытывает ко мне некую симпатию за мои прошлые немногочисленные заслуги, иначе он не пожалел бы для меня целой бухты пеньковой веревки. – Капитан усмехнулся, самозабвенно затянулся из своей трубки, выпустив несколько аккуратных колец дыма

изо рта и, продолжил тоном весьма далеким от тона покаяния. — Я убийца, авантюрист, пьяница и самозванец, изгой. — Ровные колечки дыма медленно поднимались в ночную мглу. — Фермеры, эти страстные любители легенд и мифов, считают, что я пью кровь невинных дев и юношей, после того как жестоко обещаю. (Правда, отбросив щепетильность относительно моей кровожадности, с удовольствием пользуются плодами моей щедрости). Меня лишили королевских наград и рыцарского ордена. Хотя мне глубоко плевать на это. Я есть средоточие зла и порока, что, в общем-то, недалеко от истины. Итог жизни нетривиальный, вы не находите? Ха! Вся эта возня по большому счету мне глубоко безразлична, но на моей толстой шкуре есть всё же уязвимые места. Моя дочь, — вы, доктор Ранду, даю голову на отсечение, не остались равнодушны к ее улыбке, — она вынуждена прозябать в этих стенах, больше подходящих для заключения прожженных старых негодяев, нежели молодой женщины. Зловещая тень моих грехов пала и на нее. Добрые соседи опасаются приглашать ее в гости и водить дружбу с дочерью душегуба. Но Алиса не унывает, как видите. Отважная великодушная девочка, она считает, что в ответе за всех и видит счастье в заботе о нас. Мой зять Сэмюель давно вырос из своего капитанского мундира, но, несмотря на его заслуги и способности, его назначение коммодором, похоже, затерялось среди бумаг лорда адмиралтейства. Мне больно видеть, как по моей милости страдают ни в чем неповинные люди.

Гуилхем вновь затянулся из трубки. Его взгляд поймал мой. Он смотрел мне в глаза, не моргая, словно хотел проникнуть в мои мысли, затем продолжил:

– Если это все затеяно для того, чтобы сделать меня мудрее и чище, напрасная трата божественных сил, там здорово заблуждаются. Я слишком горяч и противоречив для мудрости, а также упорен в своих убеждениях. Мой ум крепко держит штурвал и не дает разуму шанса выжить. Моя душа, сосуд, забитый теперь по горлышко всяким дерьмом. А когда-то, вообразите, он был девственно пуст, готовый принять в свое чрево живительный эликсир духовного совершенства. Когда-то и мое сердце жаждало тепла и света. Но ведь проще ступать по тропе порока, нежели добродетели, и я недолго колебался в выборе пути. И принялся усердно заполнять гремящую пустоту адской смесью и скитаться в океане греха. Правда, несколько раз в жизни мне выпадал шанс изменить галс⁴, но для этого надо было до изнеможения, до кровавого пота заставлять работать свою душу, и, надо сказать, я начинал свой труд с огромным энтузиазмом. А потом возвращался в привычное русло. – Его тон по-прежнему был ровен, но мне казалось, что он едва сдерживает себя, чтобы не закричать. – Пребывая теперь в тепле и неге, окруженный заботой своих родных, и наблюдая, как подрастают внуки,

⁴ Галс – 1) движение судна относительно ветра. Различают левый (ветер дует в левый борт /англ. portside) и правый (ветер дует в правый борт/ англ. starboard) галсы. Здесь применено капитаном, как морской жаргон, метафора.

мне кажется, что я начинаю понимать извращенный смысл посланного мне благополучия. Я в бесконечном походе и до тверди земной далеко. Подобно Одиссею, до поры так ловко обводившего богов вокруг пальца, я болтаюсь по бескрайним просторам океана в тщетной надежде увидеть узкую полосу береговой линии. Смерть нужно заслужить и у Бога, и у Дьявола. Причем я в долгу у обеих команд. Такое ощущение, что эти всемогущие ребята заключили пари, споря какой кончины я достоин. Интересно послушать их диалог, – подытожил капитан, сунув в рот мундштук трубки, и закутался в плед.

– Это правда, мистер Гуилхем, что вы убили человека, а потом присвоили его имя? – спросил я напрямик.

Капитан посмотрел на меня и улыбнулся. Мне подумалось, что если дьявол существует, то он должен выглядеть именно так: красив и уродлив одновременно.

– Да, – ответил он просто, не сводя с меня взгляда, от которого у меня, человека, выдавшего виды, похолодела спина, – Это правда. Я отнял много жизней, но эта жизнь стала моим проклятием.

– Вы мне расскажете об этом, сэр? – спросил я.

– Непременно, доктор Ранду, – проговорил он, выпустив дым, – но не теперь. Вам необходимо отдохнуть. – И, опираясь на трость, капитан Гуилхем поднялся со скамьи.

Войдя в уже притихший дом, мы еще немного постояли в полном молчании у почти погасшего камина, дабы согреть-

ся.

– Идите, доктор Ранду, вам пора спать, а у меня все равно бессонница. Оживлю огонь. Посижу в тишине, – произнес он.

Я заметил, что в голосе его пропала надломленность, голос старого моряка помолодел. Вздвогнув от неожиданности, я посмотрел на капитана. Его изуродованная часть лица осталась в тени, а тусклый свет, исходящий от тлеющих углей в очаге, сыграл жуткую шутку. Передо мной стоял молодой человек: красивый, сильный, дерзкий. От такого зрительного обмана я не смог сдержать вскрика.

– Что с вами, доктор Ранду, – удивленно спросил он, участливо взяв меня за плечо. – Вам плохо?

– О, нет, сэр, – пробормотал я, пытаюсь рассуждать, как материалист. – Что-то вступило в спину. Мне необходимо прилечь.

– Конечно, – произнес он. – Идите. Это все проклятая сырость. Покойной ночи.

– Да, да, – откланявшись, промямлил я. – Покойной ночи, сэр.

Поспешно удалившись, я пробрался в свою комнату и, даже не пытаюсь найти этому явлению хоть какое-нибудь вразумительное объяснение, рухнул, не раздеваясь спать.

О лихорадке и любви

Проснулся я, похоже, часа через два. Комната была погружена в кромешную тьму, непогода вернулась, затянув красо-

ты небес безысходностью ненастья. Дождь не по-летнему монотонно выстукивал ритм. Мне захотелось свету. Чиркнув кремнием и извлеки божественную искру, я зажег свечу и, щурясь, поднялся с постели. Пока мои руки машинально стягивали жюстокор, мысли хаотично метались в голове, ведь вечер накануне выдался богатым на события. Остро ощущая потребность в хорошем отдыхе и, глядя на безмятежный огонек свечи, я развязал шейный платок. Робкий стук в дверь изрядно удивил меня. На часах было четверть третьего.

– Войдите, – пригласил я тоном в большей мере вопросительным.

Дверь отворилась, и на пороге я узрел миссис Харрисон со свечой в руке. Вид у нее был встревоженный и немного виноватый.

– Я прошу прощения, мистер Ранду, – начала она, и я заметил, что голос ее, несмотря на прилагаемые леди усилия держаться твердо, дрожал. – У отца сильный жар. Я хотела послать за доктором. Мой брат Томас – доктор, живет неподалеку. Но, будучи в коридоре увидела свет в вашей комнате и осмелилась зайти к вам просить о помощи. Я понимаю, с моей стороны это...

– Не беспокойтесь, сударыня, – прервал ее я как можно мягче, чтобы сгладить неловкость, и, не давая возможности женщине оправдываться. – Я все равно не спал и готов попытаться вернуть здоровье вашему батюшке. – В награду она улыбнулась.

Я вновь завязал платок и надел жюстокор, после чего, взяв саквояж, последовал за миссис Харрисон.

Пока леди вела меня по коридору, наполненному до отказа призраками прошлого, я, к стыду своему, совершенно не считаясь с кодексом джентльменской чести, принялся разглядывать миссис Харрисон. Взор мой наслаждался видом гибкой талии, покачивающихся под складками домашнего платья бедер и гривы роскошных темно-каштановых волос, убранных наспех. Вспомнив сетования отца ее о невозможности показать свой «бриллиант» в обществе, я попытался представить себе миссис Харрисон в сиянии шелка и драгоценностей, в напудренном парике и с обилием белил, и помады на лице, подающей нежную ручку для поцелуя какому-нибудь щеголю столь же блистательному, как сапфиры и рубины на его перстах. Хотя в желании этом угадывалось скорее гордыня, нежели гордость и невольное неприятие смысла жизни этой женщины, ее стремлений и чаяний. Мистер Гуилхем был так удручен тем, что его умная, талантливая и красивая дочь вынуждена довольствоваться только малым обществом Латус-хилла. Конечно, каждый любящий родитель хочет лучшей участи для своего дитя, иногда даже не задумываясь о том, что плоть от плоти его выбирает другой путь и может видеть счастье свое иначе. Впрочем, мне как человеку бездетному странно, да и смешно рассуждать о предмете столь тонком и деликатном как отношения родителей и их чад. К тому же мы прибыли на место и мне пора

было заняться делом, в коем я, без ложной скромности, разумел гораздо больше, чем в делах семейных.

Капитан Гуилхем метался в бреду. Время от времени его лицо, покрытое испариной, искажалось гримасой боли, смуглая кожа сдалась под натиском смертельной бледности, а глазные яблоки под закрытыми веками хаотично вращались. Я поставил саквояж на прикроватный столик и снял жюстокор. Ополоснув руки в тазу с водой, предусмотрительно приготовленным миссис Харрисон для меня, я взял запястье капитана и нащупал пульс. Его сердце бешено колотилось. Я приложил ладонь ко лбу больного, у него был сильный жар. Осмотрев зрачки капитана, послушав его дыхание, я принялся без лишних разговоров выкладывать все необходимое из саквояжа.

– Доктор Ранду, – произнесла миссис Харрисон. – Вы можете располагать мной. Думаю, вам понадобится помощь?

– Да, помощь мне потребуется, – в нерешительности ответил я. – Но не лучше ли разбудить кого-нибудь из слуг...

– Вздор, доктор Ранду, – отрезала она. – Я неудобным считаю избегать, под предлогом приличий, заботы о близких людях. У меня пятеро сыновей, муж и отец, и кто, по-вашему, ухаживает за ними в дни их хворей. Жду ваших распоряжений.

Я был в восхищении.

– Ну, что ж, миссис Харрисон, – изрек я. – Мне необходим уксус и крутой кипяток.

– Скоро вы это получите, – ответила она, удаляясь.

Я стал суетиться со всевозможными банками и мешочками с травами. Капитан пришел в себя и очень удивился, увидев меня.

– Алиса проявила находчивость весьма проворно, – еле слышно из-за тяжелого дыхания произнес он. – Как ваша спина, доктор?

– Спасибо, уже лучше, – ответил я, смутившись, так как сразу в памяти всплыло давешнее мое видение с превращением капитана в молодого человека. – А вот вам, капитан, требуется серьезное лечение. Где вы подхватили эту гадость, сэр?

– В Корнуолле, в медных рудниках, – проговорил капитан. – Если бы не Алиса, моя смерть на мягком ложе была бы невозможна.

– Миссис Харрисон, похоже, ваш ангел-хранитель, – сказал я так, будто пытался его убедить в этом.

– Мой ангел! – повторил он полусшепотом, закрыв глаза.

В эту минуту вошла миссис Харрисон, неся на подносе большой чайник и бутыль.

Водрузив все это на столик, она подошла к кровати и, присев на ее край, осторожно вытерла проступивший пот с лица отца.

– Как ты, папочка? – ласково осведомилась дочь. – Ты так напугал меня, что я была вынуждена призвать на помощь нашего гостя. У меня не было уверенности, что наш Томас

поспееет вовремя.

– Не тревожься, дитя, – ответил со слабой улыбкой отец, беря ее руку в свои ладони. – Я живуч, как кошка. К тому же я не подготовил трогательной предсмертной речи.

Миссис Харрисон улыбнулась, и обратилась ко мне:

– Доктор Ранду, я готова выполнить любое ваше поручение.

– Что ж, сударыня, – начал я, высыпая в посуду одно из своих «колдовских» снадобий. – Необходимо взять губку и обтереть мистера Гуилхема уксусом, начиная со лба и заканчивая ступнями ног. Это поможет снять жар. А я тем временем приготавливаю «зелье».

– И вы не будете пускать мне кровь? – с усмешкой спросил капитан.

– Нет, – ответил я, не прекращая своего занятия. – Мне часто приходилось сталкиваться с болезнью такого рода, и считаю, что пускание крови просто недопустимо. Это помогает сбросить немного жар, но и организм ослабляет, он не способен бороться сам. Если вы позволите, я буду лечить вас своими методами. Благоволите снять рубаху, сэр.

Миссис Харрисон великолепно справилась с задачей, ничуть не смущаясь отцовской наготы, да и капитан был так измотан болезнью, что ему просто не пришло в голову стыдиться своей дочери. Она помогла надеть отцу чистое белье и, взбив подушки, уложила капитана удобней. – Краем глаза я увидел, как тот поцеловал ее руки.

– Все готово, доктор, – произнесла леди. Она старалась показать, что еще полна сил и сию минуту готова приняться за другое поручение, но темные круги под глазами и осунувшиеся щеки говорили о ее крайней усталости.

– Прекрасно, миссис Харрисон, – бодро похвалил я. – Думаю, что уже пора отпустить вас.

– Я хочу быть с отцом, доктор Ранду, – возразила она. – Я очень беспокоюсь за него.

– Не стоит, сударыня, мне еще придется сделать несколько настоев, а это займет некоторое время и будьте уверены, я не оставлю вашего батюшку ни на секунду. А надобности в двух сиделках нет никакой. Ступайте отдыхать, миссис Харрисон. Даю вам слово, что отобью у лихорадки капитана Гуилхема.

Она неуверенно кивнула в знак вынужденного согласия и, поцеловав отца в щеку, ушла. Невольно я проводил ее взглядом, пожалуй, слишком откровенным и долгим, спохватившись только тогда, когда закрылась дверь. Холодея, я заметил, что капитан Гуилхем наблюдает за мной.

– Ваша дочь, сэр, достойна восторженного преклонения, – пробормотал я несколько неуклюже, и окончательно оконфузившись, добавил: – Капитан Харрисон счастливец.

Я почувствовал, что краснею, как юнец, под пристально-удивленным взглядом капитана, и поспешил вновь заняться делом. Мне было ужасно неловко, и я молил всемогущие силы, чтобы хоть как-то выйти из тупика. На помощь пришел Гуилхем, прикрыв мой «срам».

– Насколько можно судить, вы, доктор Ранду не женаты?

– Да, сэр, – выдохнул я. – Не сподобился. Вел кочевую жизнь, редко бывал в обществе порядочных женщин.

Капитан Гуилхем понимающе улыбнулся. Мое зелье, как я его называл в шутку, уже было готово и я, радуясь, что можно избежать разговора, принялся за свой врачебный долг: поднес глиняную кружку с парящей жидкостью капитану.

– Вы должны выпить это, сэр, мелкими глотками, – деловито произнес я. – Несусветная гадость, но, тем не менее, не дает лихорадке шанса.

– Спасибо, что предупредили, доктор, – ответил капитан, принимаясь за питье.

Он отважно осушил сосуд и откинулся на подушки. Больной был совершенно измотан, но я не намерен был оставлять его в покое и еще добрую четверть часа мучил пациента, прежде чем позволил ему отдохнуть.

Пока Гуилхем спал, я удобно устроился в кресле и, закутавшись в толстый плед, тоже попытался уснуть, но ночная вахта так меня растормошила, что о сне можно было забыть. Несколько раз я поднимался, не снимая пледа, чтобы проверить пульс моего пациента. Жар начал спадать.

Исполнив врачебный долг, я, подойдя к окну, посмотрел на дождь и вновь вернулся в кресло, вытянув ноги. Я думал о миссис Харрисон. Вернее сказать, отгонял мысли о ней, но они упрямо возвращались, питая мою душу призрачными мечтами. В этом была какая-то насмешка судьбы! Дожив до

сорока трех лет, я не чаял, а, в общем-то, и не стремился, встретить женщину, с которой бы мог провести остаток своих дней. А теперь я влюбился в замужнюю даму! Как моряк я в достатке получил плотских утех в объятьях знойных портовых красоток, но душа моя пребывала в покое, не испытывая ни сладости встреч, ни горести разлук. Когда я считал, что жизнь моя устоялась, а любовь моя, вероятно, затерялась где-то в далеких краях, силы, коим вверено ведение наших судеб, решили развлечься и вселить в душу мою смятение нелепых надежд. Трезво осознавая безнадежность ситуации, я понял, что погибаю, и сейчас я решил немного побаловать себя фантазиями.

Я тешил себя только тем, что некоторое время буду находиться в одном доме с женщиной, которая никогда не станет моей, а в дальнейшем иногда встречаться с ней в обществе ее домашних по мере необходимости моего общества. Мне было горько от мысли, что для неё я только гость и врач, но, черт возьми, никогда в жизни я не был так счастлив как сейчас. Я закрыл глаза и мысленно произнес ее имя: Алиса.

– Вот вам и пробоина в борту ниже ватерлинии, доктор, – знакомый баритон вернул меня к действительности и поверг в совершенное замешательство, похоже, я произнес имя леди вслух. От ужаса я подскочил в своем кресле.

Капитан лежал, обернувшись в мою сторону, и, должен признать, что выглядел он значительно лучше.

– Сэр, гм, – пробормотал я, судорожно пытаюсь выкру-

титься из создавшегося положения. — Я не... вы не подумайте...

— Любовь, извините за банальность выражения, коварная штука, доктор Ранду, — перебил он меня, и я не уловил в его тоне гневных ноток. — Когда ты самоуверенно думаешь, что застрахован от такого рода переживаний, то вскоре идешь ко дну со всей наглой непобедимостью.

— Миссис Харрисон похожа на свою мать? — поддержал я его, подозревая, что речь идет о миссис Гуилхем.

— Нет, — сказал он с улыбкой. — Алиса — красавица, а ее мать не считалась таковой. Копна непослушных рыжих кудряшек, веснушки на лице. Как говорили, ничего особенного, обычная девчонка, а я боялся потерять свое отражение в ее взоре.

Капитан закрыл глаза. Я не посмел прервать паузу и смиренно ждал. Вскоре он заговорил опять, не открывая глаз, вызывая в памяти прошлое:

— Небеса послали мне это чудо в надежде, что я, испепелив себя прежнего покаянием и смирением, как птица Феникс воспряну из пепла собственных грехов, утешусь сторонним взглядом на счастье и покой той, что была мне так дорога. Но я пошел другим путем.

Гуилхем вновь замолчал, но я понял, продолжать он не будет. Слишком изранена душа, а воспоминания бередают его все еще воспаленные шрамы.

— Сэр, — проговорил я в нерешительности после длитель-

ной паузы. — Я ни в коей мере не собираюсь тревожить миссис Харрисон своими признаниями. Она любит своего мужа, а он боготворит ее. Простите, сэр, что позволил себе хоть на мгновение мечтать о вашей дочери.

Капитан открыл глаза и посмотрел на меня с сочувствием. — Бросьте, доктор Ранду, — произнес он. — Не извиняйтесь за любовь. Любовь жаждет благодарности.

Почтенный эльф

Уже на исходе была неделя, как я поселился в Латус-хилле и очутился в водовороте событий и переживаний, так круто изменивших не только само течение жизни моей, — чего я, собственно, добивался, — но и переворошивших безупречный душевный порядок, приобретенный мною за долгие годы.

Любовь посетила мое очерствелое сердце, но мои романтические стремления, лишившиеся крыльев еще на взлете, теперь, жалобно трепеща обрубками, с тоской и одновременно умиротворением находили утешение в чувстве самопожертвования, замешанного на стоическом отречении от надежды, и я стал находить в этом некое извращенное удовольствие. А вскоре меня стала забавлять моя юношеская влюбленность. Я даже вывел своеобразный закон о равновесии чувств в людской природе и порадовался, как старый зануда, что любовь соизволила посетить меня в столь серьезном возрасте, когда прежде, чем в избытке ломать дрова, одолевает здравый смысл и нашептывает до омерзения прагмати-

ческие доводы.

Миссис Харрисон теперь предстала предо мной идолом поклонения и предметом восхищения, сродни шедеврису искусства: смотри, восторгайся, но руками не трогай. Может быть, кто-то упрекнет меня в неспособности бороться, в мягкотелости и прочих, нелюбимых для мужчины недостатках, я не оскорблюсь. Ведь я пришел слишком поздно, и нарушать душевный покой столь внезапно полюбившегося мне человека, кстати, счастливого в браке, делать его заложником своего страдания, значит, предать само понятие любви. Впрочем, все это спорно и пристрастно. А тем временем коварное чувство могло торжествовать победу, я – его очередная жертва, но праздновать я ему не позволил, испортив погоду для фейерверка холодностью рассудка и туманными философскими выводами.

Итак, после памятного короткого разговора с капитаном Гуилхемом о моих чувствах к его дочери, я решительно взял курс на жесткое подавление душевных порывов. И в этот мучительный для меня момент, мне была предложена в полное пользование библиотека Латус-хилла, весьма кстати, ибо широко известная истина, заключающаяся в отвлечении от дел сердечных занятиями преимущественно умственными, имела под собой твердую основу.

Сие святилище науки, фантазий и мудрости было расположено в отдельном крыле замка, вероятней всего пристроенном, где-то на рубеже шестнадцатого и семнадцатого ве-

ков. Просторное помещение с тяжелыми балками под потолком и великолепным камином, образчиком высокого мастерства резчиков по камню елизаветинской эпохи. Стены, к которым прилагались две деревянные стремянки, являли собой сплошные стеллажи, заполненными книгами в кожаных переплетах с золотым тиснением. (Говорят, у короля Георга приличная библиотека, так вот эта, как мне кажется, отличается не меньшей редкостью и богатством собранных в ней фолиантов). Массивный рабочий стол красного дерева, крытый изумрудным сукном с письменными принадлежностями, вычурным канделябром в восточном стиле и тяжелым пресс-папье венчал собой центр библиотеки. Стул с высокой резной спинкой и мягким сиденьем манил посетителя удобством и царственностью.

Здесь, в библиотеке, теперь я пропадал день-деньской, зачастую не выходя даже к обеду, ссылаясь на отсутствие аппетита, что, конечно, было полной ложью, так как способность наслаждаться пищей никогда не покидала меня, и я был несказанно голоден. (Вероятно, кто-то догадывался о моем лукавстве, и незатейливые закуски в компании с бутылкой отменного вина иногда появлялись в моем убежище.)

Единственным исключением в этом добровольном заключении были те часы, которые я проводил в обществе, спасенного мной от лихорадки капитана Гуилхема. Он вызывал меня вечером в гостиную пропустить по стаканчику бренди,

– не было случая, чтобы я когда-либо отказывался от выпивки, да еще в интересной компании, – пофилософствовать на отвлеченные темы или сыграть партию-другую в шахматы. К тому же капитан Гуилхем оказался весьма чутким и корректным человеком, предварительно выдворяя свою дочь – предмет моих мечтаний – за пределы гостиной, ни разу не заикнувшись о моих любовных притязаниях. Мне нравилось говорить с ним, а вернее слушать его.

Повествование капитана было оригинальным. Речь его не отличалась изысканностью, но была полна эмоциональных интонаций и насыщена всевозможными метафорами, зачастую пересыпанными специфическими словечками присущими людям морской закалки. Его голос, густой чуть хрипловатый баритон, был создан для рассказа. Он много знал и много видел, и мой опыт моряка и путешественника был просто жалкой каплей событий в сравнении с его потоком приключений, и подчас я внимал капитану, чуть ли не раскрыв рот. Лично о себе Гуилхем говорил немного, что сильно огорчало меня. Ведь я хотел услышать рассказ о роковом убийстве, вероятно, повлекшем за собой ряд событий, круто изменившем его жизнь. Но старый моряк не торопился поведать мне сию историю, а я, набравшись терпения, смиренно ждал.

После увлекательных с капитаном бесед, я зачастую возвращался в одинокий кабинет и скрупулезно конспектировал все услышанное, и делал некоторые наброски к моему

роману. Иногда работа заходила за полночь, тогда голова моя падала на руку, преданно сжимавшую перо и, сознание улетало вслед за легкокрылым Морфеем. Пробуждался я от ощущения холода, так как в камине не оставалось даже тлеющих углей, и свечи, превратившись в восковые блины, не изливали более света. Мне приходилось прокладывать себе путь к своей комнате через длинный темный коридор, стены которого были увешаны портретами людей, давно обитавших здесь, и их лики, вызывавшие интерес к прошлому белым днем, после заката, не без зловещей игры теней, приобретали, пугающую живость и подвижность. Так повторялось не раз и не два, и вошло буквально в диковинный ритуал: беседа с капитаном Гуилхемом, конспект в библиотеке, сон, зябкое пробуждение, прохождение призрачного коридора в коварной темноте. И вот однажды, – бац, – на повороте, там, где картинная галерея делает поворот в оранжерею, я был ослеплен светом свечей в чьих-то заботливых руках. Дар Прометея был предназначен явно мне, вероятно, по той простой причине, что в своих ночных вояжах я часто натыкался на всевозможные предметы, сопровождая сии встречи сдавленными стонами, что, скорее всего, не могло быть не замечено добрыми людьми.

Тот, кто нес мне свет, вскрикнул женским голосом, и, судя по глухому звуку, обо что-то ударился. Когда глаза привыкли к свету, моему взору предстала некая миссис Бэйс. Эта дама, как я слышал, была старшей служанкой в доме.

Ей было около шестидесяти лет, и обладала она пышной, но не расплывшейся фигурой, весьма моложавым лицом и способностью говорить скороговоркой, с молниеносными переходами с одной темы на другую.

– Ну и ну, доктор, – протараторила она сердито, прикладывая руку к груди. – Так напугать почтенную женщину, да еще спешащую к вам на помощь. Была вам охота бродить тут в темноте. Вам, доктор, и невдомек, что в нижнем ящике стола лежит целая коробка со свечами. Куда уж там! Ученые – что дети малые! Не могут сами о себе позаботиться.

– Миссис Бэйс, прошу вас не казнить меня, – пролепетал я, «протискиваясь» между сплошными рядами фраз почтенной дамы. – Я очень вам признателен за заботу. Скажите, чем я могу отплатить вам?

– О какой оплате вы толкуете, доктор Ранду, какие глупости, – буркнула миссис Бэйс. – Следуйте-ка лучше за мной, я посвечу вам, а то, чего доброго, шею себе сломаете, прости Господи.

Я повиновался и послушно побрел за строгой дамой. Надо отдать ей должное, ночь выдалась безлунной, и я бы точно свернул бы себе что-нибудь, не появись, этот странный эльф со спасительным огнем в морщинистых руках.

Всю дорогу миссис Бэйс что-то ворчала себе под нос, как ворчит старая псина – не от злобы, а так, для порядка. Когда же свет канделябра выхватил из темноты дверь моей комнаты, она резко остановилась, пропуская меня вперед, и воз-

зрившись на меня так, будто хотела сшить мне костюм, произнесла полупшепотом:

– Вы, смотрю, доктор Ранду, что-то пишете и пишете. И вижу, что, хозяин мой, мистер Чарльз, вас интересует. Да только он ничего вам не скажет о себе, а я много чего знаю, в семье Гуилхемов давно живу. И жену его, покойницу, я с пеленок вынянчила.

Вот это был сюрприз. Я, конечно, не подозревал, что кто-то может прочесть то, что я открыто и доверительно оставлял на столе. Но теперь этот факт был мне на руку, к тому же миссис Бэйс действительно создавала впечатление весьма осведомленного человека, поэтому я не преминул ухватиться за возможность воспользоваться ее знаниями.

– Что ж, миссис Бэйс, – деловито произнес я, – помимо спасения жизни моей, вы еще спасаете мою мечту. С меня совершен⁵.

Ее глаза радостно блеснули. Не алчно, а именно радостно. Судя по всему, добрую женщину тяготил запас сведений, которым ей необходимо было поделиться. Похоже, сказывался замкнутый круг Латус-хилла, где разговоры на эту тему были перемолоты не один раз, и посему требовался необъезженный слушатель. Что-то подсказывало мне, что и еда, и вино, а теперь и свечи в безлунную ночь возникли неспроста. Это

⁵ Совершен (англ. *sovereign* – монарх) – английская, затем британская золотая монета. Впервые выпущена в 1489 году во времена короля Генриха VII (1485–1509) достоинством 1 фунт стерлингов (20 шиллингов). Названа по изображению короля на троне («суверена»)

было нечто вроде мзды за мое внимание. Как ни крути, со всех сторон выгода светила мне наияснейшая. Меня готовы были кормить, поить и держать свечи, лишь бы я слушал и внимал.

В очередной раз я убедился – зависимость человеческих судеб от обстоятельств, так или иначе сложившихся помимо людской воли, не просто факт, а упрямый факт. Терзаемый подозрениями, что все происходящее с нами было задумано кем-то, без нашего участия, и что даже человеческие сомнения и муки выбора заранее спланированы, я все же где-то в глубине души надеялся, что желания и поступки земных существ не столь руководимые и прослеживаемые. Причем, когда ты задумываешь нечто, неведомые силы либо станут на твою сторону по какой-то странной прихоти и помогают во всем, подсылая и нужных людей, и подстраивая выгодные комбинации событий и даже погоду. Либо, вероятно заключая жестокое пари, низвергают на нас беды и страдания, чиня препятствия на дорогах, ведущих к заветной цели, дабы испытать и убедиться в находчивости и выносливости подопечных своих. Наблюдая за тем, как неразумные чада преодолевают испытания, ставят новые преграды и ввергают в океан невзгод и страданий. Что же может сам человек, и в чем смысл его земного существования – вопросы, задаваемые в минуты отчаяния, когда не хватает сил, и земля кажется адом, и видится покой только в небытие, вопросы, натирающие мозоли и раздражающие мужей, склонных к при-

митивно-религиозному прочтению земных испытаний.

Неужели человек создан лишь для того, чтобы потешать Небеса и Преисподнюю? Чего ждут от него, одинокого и ищущего истины? Просветления? И сии экзерциции в воспитательных целях прописаны и ниспосланы, дабы человек не порастал духовным жирком?

Вывод напрашивался сам собой. Не знать бы нам прелести солнечного дня, если бы мы не ведали романтики лунного коварства. Мы не оценим белизны снега, пока не упадет на него ком сажи. Человек не особо сообразителен, вопреки бытующему мнению, ему требуется не один намек, и чем дальше, тем прозрачней, прежде чем он поймет, что вчера гроза всего лишь очистила воздух и дала возможность дышать полной грудью сегодня. Все очень просто, но такова людская порода, черное делать еще чернее, и считать, что белый лист нуждается в дополнении.

Да не осудит меня читатель мой! Я постарался следовать истории, поведенной мне любезной миссис Бэйс, как можно вернее. Жизнь моего героя превзошла все мыслимые фантазии, и мое перо послушно описало на бумаге крутые повороты его удивительной судьбы.

Часть 1

-1-

Стол был накрыт к завтраку, но, похоже, никто не торопился приступать к утренней трапезе, и столовая погружена была в звенящую тишину. Весеннее солнце, проникая сквозь

узкие высокие окна, резало пространство залы широкими золотыми лезвиями, и у стены покрытые пылью веков часы, выстукивая маятником беспристрастно четкий ритм, хриплым басом оповестили, что малая стрелка прибыла на цифру десять.

В большой гостиной подле внушительных размеров камина стояла навытяжку вся прислуга дома, изредка обмениваясь недоуменно-боязливыми взглядами.

В кресле с высокой спинкой, больше похожем на трон, восседал сэр Джонатан Седрик Гуилхем, лорд Уорбрук. Все в его облике, начиная с тщательно напудренного парика и заканчивая сверкающими пряжками башмаков, выглядело безукоризненно. Сидел он прямо, демонстрируя свою идеальную осанку, время от времени постукивая длинными перстами по подлокотнику, вырезанному в виде львиной лапы. Лорд Уорбрук, которому в ту пору еще не было сорока, мог бы считаться весьма привлекательным, если бы не суровые складки возле четко очерченных губ и уже наметившаяся глубокая морщина между густыми широкими бровями. Он был бледен, а взор его синих глаз холоден и непроницаем.

– Мисс Пирс, – произнес сэр Джонатан, вырывая взглядом из шеренги несчастных хрупкую девушку лет двадцати трех с вспухшими заплаканными глазами. – Каково ваше жалованье?

Гувернантка всхлипнула. Лорд Уорбрук сыграл желваками, он терял терпение. Бедная девушка заметила это и, неле-

по всплеснув рукой, будто хотела поправить волосы и передумала, пролепетала:

– Тридцать фунтов, милорд.

– Вы регулярно получаете свои деньги, мисс Пирс? – продолжил допрос сэр Джонатан.

– Да, – почти в обмороке прошептала она.

– Тогда, может, вы объясните мне, мисс Пирс, – обдавая бедную гувернантку ледяным взглядом, отчеканил милорд, – почему наш старший сын не спустился к завтраку нынче?

– Милорд, – взмолилась мисс Пирс, – накануне вечером, ровно в девять я принесла мистеру Гуилхему молоко, он выпил его и лег спать. Я сама гасила свечу и закрывала дверь. Я не понимаю... – слезы помешали ей договорить.

– Перестаньте реветь, мисс, – громыхнул лорд Уорбрук. – У вас предостаточно будет времени для рыданий тогда, когда вы покинете этот дом без рекомендаций. С вами все ясно! Ступайте!

В момент, когда мисс Пирс торопливо удалялась, красивая статная дама поднялась с дивана, на котором она сидела все это время вместе с двумя детьми, мальчиком и девочкой лет семи и, сделав шаг вперед, остановила за руку уходящую в слезах гувернантку.

– Милорд, – тихо произнесла она. – Мисс Пирс невиновна в исчезновении Чарльза и не заслуживает столь несправедливого и жестокого обращения.

Лорд Уорбрук перевел взгляд на леди, приподняв удив-

ленно одну бровь.

– Не знал, миледи, что вы ходите в защитниках у челяди, – произнес он, и тон его не предвещал ничего хорошего. – Вам, дорогая, вообще не следовало вмешиваться в разговор, потому как благодаря вашей снисходительности, юный джентльмен поправил сыновний долг и оставил нас всех решать презабавную задачу, куда делся наш драгоценный мистер Гуилхем.

– Коль ваш гнев привлекла я, милорд, – спокойно произнесла леди Уорбрук, – может, мы продолжим беседу без свидетелей?

– Отнюдь, сударыня, – небрежно оглядев кисть своей руки, отчеканил сэр Джонатан. – Я намерен разобраться в этом деле при общем собрании, дабы впредь избегать подобных потрясений, а также я объявляю всем: как только мистер Чарльз найдется, снисходительности и поблажек не будет более. Я слишком был терпим, и вот результат. Попрана дисциплина, всеобщая распушенность царит наряду с пренебрежением своими обязанностями.

– Вы, милорд, намерены сменить деспотию на тиранию? – не скрывая иронии, заметила его супруга.

Милорд метнул в леди Уорбрук гневный взгляд. Ее вызывающая манера держаться раздражала его и одновременно настораживала. Вместо удрученной выходкой своего первенца матери, он видел перед собой полную самообладания и вызова женщину, способную не только защищаться, но и

нападать. Внезапно его поразила мысль, что он совершенно не знает человека, с которым его связывают двенадцать лет брака.

– Вы не смеее упрекать меня в излишней черствости, сударыня! – скрывая свое замешательство, проговорил милорд. – Напротив, мое чересчур демократичное отношение ко всем и вся и породило неразбериху и беспорядок, как в семейных делах, так и в прочем.

– О, да, – тихо сказала леди Уорбрук. – Это именно ваше «чуткое и сдержанное» отношение привели Флоренс и Роберта к краю пропасти.

– Что? – милорд поднялся со своего трона. – Что вы сказали, сударыня?

– Я сказала, что, если бы вы имели хоть каплю мягкости, о которой трубите повсюду, сэр, – проговорила миледи, – ваши брат и сестра были бы теперь с нами, как и наш сын Чарльз.

– Замолчите, Элеонор, – прошипел милорд. – Иначе... – от возмущения и негодования он не нашел слов, сорвался.

– Что «иначе», сэр? – не отступала его супруга. – Иначе вы превратите мою жизнь в ад? Что ж, мне не привыкать, меня давно терзает адская мука – мука жизни с вами.

Милорд сделал нервный жест рукой слугам, и те, опешившие от семейной сцены впервые так явно вспыхнувшей между супругами, неловко стадно удалились. Дети же остались в зале, не дыша от страха, забившись в уголок дивана.

– Таким образом, если я вас правильно понял, моя дорогая Элеонор, – уже спокойнее, взяв себя в руки, произнес милорд, – жизнь со мной приносит вам одни страдания. Или, вернее сказать, я в принципе приношу страдания всем. И решительно всем в нашей семье, начиная с моего брата-авантюриста, чуть не пустившего нас по миру и устроившего дуэль с совсем неподходящей для этого персоной. Также страдала по моей вине и моя легкомысленная сестра, убежавшая с первым попавшимся проходимцем, наплевав тем самым на фамильную честь. И список несчастных завершает мой сын, возомнившим себя вне всяких правил, установленных много поколений тому назад. Значит, это я не удосужился понять их тонких душевных потуг и погубил их, как гублю вас, моя дорогая?

– Милорд, – супруга подступила к мужу. – Я знала другого Джонатана Гуилхема. Он был щедр на чувства и чуток. Именно эти качества привлекли меня, когда-то, а не ваш род и ваше состояние. Последние же несколько лет ваша холодность и расчетливость, которые я принимала за мимолетные слабости, пустили глубокие корни и оплели, и одурманили вашу душу, погрузив ее в глубокий сон. Мне жаль вас, вы не ведаете, что за все поступки придет расплата рано или поздно. Верните самого себя.

– Вы идеалистка, Элеонор, – сухо произнес лорд Уорбрук, вдруг почувствовав ее слабость. – Вы витаете в своих фантазиях и тешите себя иллюзиями, забывая, что мы живем на

земле, где царят свои законы, поддерживающие относительный порядок и покой. Выход же за границы сих правил часто приводит к ошибкам и смуте. Полно, покончим с этим. Я устал от пустой болтовни, — отрезал он и перевел свой взгляд на девочку, сидящую на диване. — Патрисия, подойди ко мне.

— Вы не станете допрашивать ребенка, милорд! — возмущилась леди Элеонор, встав между девочкой и мужем.

— Именно это я и собираюсь сделать, — отчеканил сэр Джонатан и дал знак Патрисии приблизиться.

Малышке на вид было около семи лет. Взгляд её больших карих глаз без искры наивности столь присущей ее ровесникам, поражал совсем недетской серьезностью. Забавные веснушки, волосы удивительного оттенка рыжего цвета, — будто осеннюю огненную листву припудрило пеплом, несмотря на старания няньки аккуратно уложить их, не желали слушаться и, бунтовскими кудряшками выбивавшиеся из-под многочисленных шпилек и лент, совершенно не вязались с задумчивостью и отсутствием иллюзорного оптимизма девочки.

Как только милорд подозвал девочку к себе, она без всякой робости покинула диван и подошла к своему строгому дознавателю.

— Скажи, дитя, — произнес сэр Джонатан, вновь опускаясь в свое кресло, — что ты знаешь о планах Чарльза?

— Ничего, сэр, — отчетливо ответила Патрисия.

— Ты лжешь, дитя, — продолжал он. — Вы были дружны с Чарльзом, и он должен был тебе что-нибудь сказать.

– Я ничего не знаю, милорд, – повторила девочка, и вдруг, осмелев, ответила, – а если бы и знала, то ничего не сказала бы вам.

– Вот твоя благодарность, дитя, – холодно проговорил лорд Уорбрук. – Ты, верно, забыла, что твоя судьба полностью принадлежит мне и...

– Милорд! – с горечью и гневом воскликнула леди Элеонор. – Это бестактно и ... низко!

– Дорогая! – невозмутимо произнес милорд, даже не удосужившись поднять на супругу взгляда. – Мы уже говорили с вами. Разговор был окончен, и я вас не держу! – Он вновь обратился к малышке, – итак, Патрисия, тебе стоит помнить о том, что я сделал для тебя и твоего отца, и стараться быть достойной дома под чей кровлей ты нашла приют.

– Я помню, милорд, о вашем участии в судьбе нашей семьи, – ответила девочка. – Может быть, когда-нибудь я захочу забыть об этом, но ведь вы напомните, не так ли?

Милорд молча встал. Дерзость, с коей были сказаны и так малопочтенные слова, была сверх всякой меры, но он держал себя в руках – и без того пришлось сорваться сегодня совсем неподобающе и в присутствии слуг, на котором он так настаивал. Сэр Джонатан взял со столика колокольчик и позвонил. Явился лакей.

– Я желаю видеть мисс Пирс немедленно, – отрезал он. Милорд медленно подошел к камину и, опершись рукой о массивную полку, нервно постучал по ней пальцами.

Гувернантка вскоре явилась, и вид у нее был испуганный. Милорд произнес приговор:

– Мисс Пирс, возьмите эту юную леди и отведите в ее комнату. В течение месяца никаких прогулок, сладкого и чтения занимательной литературы. Мисс Кленчарли необходимо проводить дни в раздумьях, занятиях и молитвах. Ступайте! – дав знак всем удалиться, он тяжело опустился в кресло.

Милорд любил порядок. Порядок в семейных отношениях, в выборе друзей, в финансах, в ведении дел, в исполнении супружеского долга и воспитании детей. От челяди милорд требовал четкого выполнения своих обязанностей, строго наказывая за малейшие промахи. Слуги между собой называли его «заплесневелым сухарем», ругали на все лады за чрезмерную черствость, но он платил им исправно хорошее жалованье, что, в свою очередь, предотвращало всякого рода увольнения. В Лондоне его уважали за принципиальность и верность слову. В деловых кругах даже ходил эпитет «честен, как Уорбрук». Сэру Джонатану это льстило до чрезвычайности. В палате лордов выступлений лорда Уорбрука не любили – он мог красноречиво и безапелляционно разгромить любой, казалось бы, верный проект. Малопривлекательное прозвище «акуля пасть» вызывало в нем раздражение.

Но если в общественных, политических и хозяйственных делах его сухость и твердолобость рассматривались более

или менее с положительной точки зрения, то в семейных делах все было гораздо драматичнее. Милорд не допускал никаких эмоций и здесь, казалось бы, в самой не прагматичной стороне человеческой жизни. С супругой, женщиной весьма темпераментной, он вел себя холодно и официально, не допуская ни ласки, ни нежности. Дети для сэра Джонатана были вроде живого материала, из которого он был обязан слепить нечто полезное, добропорядочное и послушное. Он настаивал на жестком взращивании подрастающего поколения, внушая в них уверенность, что жизнь – это долг, и что каждый день дан человеку под проценты.

Джонатан Уорбрук не позволял ничего, что могло хоть немного напоминать праздное провождение времени. Разумеется, при таких порядках в его семье время от времени вспыхивали бунты, которые он подавлял простым, но весьма действенным образом – отлучением и забвением.

Началось все с младшего брата милорда, мистера Роберта. Обладая характером, ничуть не склонным к смирению и покорности, мистер Роберт, обделенный наследством, как все младшие сыновья в Англии, решил всеми способами, по большей части сомнительными, брать от судьбы все и жить на широкую ногу. Он выдавал долговые обязательства на крупные суммы денег, подписываясь при этом именем старшего брата. Потом он ввязался в некрасивую карточную историю с лордом Саттоном, затем поссорился с его кузеном. Дуэль стала неудачной для кузена лорда Саттона, и его

жизнь висела на волоске, но была спасена благодаря врачебному мастерству семейного доктора Гуилхемов Фарингтоша. И вскоре в доме милорда разразился скандал, по окончании коего, сэр Джонатан указал брату на дверь, тот, в свою очередь, хлопнув оной, исчез в неизвестном направлении. Поговаривали, что он, дескать, подался в пираты.

Следующей была мисс Флоренс, возлюбленная сестра сэра Джонатана, нежнейшее создание; милорд прочил ей в женихи барона Кру. Кто бы мог подумать, что застенчивая и мечтательная Флоренс влюбится в моряка с внешностью и замашками авантюриста, — чувствовал милорд, что не нужно было отпускать ее в Солсбери на ярмарку. Чего стоило это никчемное сопровождение их маразматического дядюшки лорда Каннингема, если наглец посмел не только преподнести юной деве ее шляпку, сорванную ветром, но и завести с ней разговор. Через две недели девушка исчезла, оставив брату записку, в коей она просила благословление на ее брак с моряком — мистером Гарри. Милорд в ярости объявил, что у него больше нет сестры, и любое упоминание о ней будет жестоко караться. После от мисс Флоренс приходили письма, но милорд отдал распоряжение дворецкому больше не принимать их.

Однажды леди Элеонор совершенно случайно попало одно из них, и она прочла его. В нем содержалась мольба сестры о прощении и разрешении вернуться в отчий дом, бедняжке Флоренс приходилось туго. Не получив придано-

го, моряк бросил ее одну на Барбадосе без средств к существованию. Миледи умоляла супруга о милосердии, но тот остался холоден к сестре и тверд в своем непростении. Письма вскоре прекратились, все подумали, что несчастная убила себя.

И вот теперь Чарльз – старший сын лорда Уорбрука. На Чарльза он уповал и возлагал надежды. Красивый, способный и схватывающий все на лету мальчик, был его гордостью и отрадой. Отец уготовил ему жизнь, о которой можно только мечтать. Высокий титул, место в палате лордов, обширные земли...

О, как был зол сейчас милорд на него. Неблагодарный, безответственный юнец!

Оставался вялый и безынициативный младший сын Джеймс. Его любовь к одиночеству, молчаливость и замкнутость раздражали сэра Джонатана. Чарльз с его бунтарским характером и желанием идти наперекор снискал большее уважение отца. И в этом заключался парадокс. Милорд требовал от всех повиновения, но как правило симпатию вызывали у него те люди, – хотя он сам себе никогда в этом не признавался, – которые не желали во всем с ним соглашаться.

Сейчас милорд был напуган. Впервые в жизни. Сэр Джонатан – человек, знающий все, что происходит в его доме и в его ведомстве. Пристрастие лорда Уорбрука к порядку считалось неотступным. И вот возникла ситуация, когда милорд

совершенно был растерян, он был в панике.

С чего начать поиски? Где теперь мой первенец? Что взбрело ему в голову?

Сэр Джонатан попытался взять себя в руки, подобной слабости ему еще не приходилось испытывать. На мгновение, всего лишь на мгновение, мелькнула мысль о расплате. Он вспомнил о Флоренс. Горькая тайна тяготила его и отравляла жизнь. Ведь он мог ее спасти! Если бы не его уязвленное самолюбие. Но милорд отогнал эти мысли, уверив себя, что правда на его стороне. Прочь малодушие и эмоции! Надо действовать! Его рука уверенно потянулась к колокольчику.

—2—

Мисс Пирс отвела Патрисию, как было приказано, в детскую. Бедная Фанни Пирс! Ее губы подрагивали от обиды, она отчаянно пыталась скрыть свое волнение, но тщетно. Вот уже шесть лет она верой и правдой служила в доме лорда Уорбрука, ее работой хозяева были довольны и даже повысили жалованье. И теперь все погибло! Ее прогонят с позором без рекомендательных писем и протекций. В лучшем случае ее возьмут на грязную работу, а в худшем ей останется только нищенствовать и побираться. Мысли подобной окраски проносились роем в ее голове, и она не заметила, как застыла в мрачной задумчивости у двери на пороге в комнату Патриси.

— Мисс Пирс, — робко прикоснувшись к руке гувернантки, ласково произнесла Патриси, — не отчаивайтесь. Милорд не

уволит вас. Сейчас сэр Джонатан очень огорчен, а, возможно, даже испуган. Мне жаль его.

– Милое дитя, – присев перед девочкой на колени, ответила мисс Пирс, – ты всегда видишь в людях только хорошее и пытаешься оправдать их слабости. Это прекрасное качество, хотя весьма опасное. Оно приносит страдание.

– Люди не могут быть плохими, мисс Пирс, ведь они созданы Господом по его подобию. Прятать свои души за злом их толкает страх.

– Ты так думаешь? – с изумлением спросила гувернантка. Ученица всегда умела рассуждать не по-детски, но мысль, высказанная сейчас, поразила ее не столько глубиной, сколько явным надрывом. – По-твоему все дело в страхе?

– Да, – просто ответила Патрисия. – Страх делает из людей маленьких взъерошенных зверьков, которые, пытаясь защититься, кусаются и царапаются.

– Если бы только в маленьких зверьков, – вздохнула мисс Пирс, поднявшись с колен, она направилась к двери. – Некоторые из них способны поглотить тебя целиком, а раны от их когтей могут саднить и кровоточить многие годы.

– Не бойтесь, мисс Пирс, – грустно улыбнувшись, произнесла Патрисия. – Милорд поймет, что вы не виновны, Чарли давно готовил этот побег. Он ведь мечтал об этом.

– Ты знаешь, где он? – оживилась гувернантка. – О, если бы это было так!

– Нет, мисс Пирс, – потупившись от отчаянной мысли,

ответила малышка. — Я не знаю где он, но мне жаль, что вы желаете возвращения мистера Гуилхема, только ради себя, а не ради него.

Мисс Пирс воззрилась на свою ученицу со смущенным удивлением. Как этому семилетнему ребенку удавалось читать в самых глубинах ее души?

— Патрисия, — вновь приближаясь к девочке, произнесла гувернантка, — я малая частица этого мира, который настроен не слишком дружелюбно к таким, как я. Маленькому человеку приходится быть глухим и слепым. Таков удел всех, кто может рассчитывать только на себя.

— Если бы все люди на земле прозрели и подставили вторую щеку под удар, то и удара не последовало бы уже.

Гувернантка, взяв ребенка обеими руками за плечи, долго вглядывалась в карие чистые глаза, будто хотела запечатлеть в памяти этот грустный и умный взгляд девочки. Патрисия улыбнулась ей и обняла. Мисс Пирс сглотнула. Слезы подступили к ее глазам, она, молча, поцеловала воспитанницу, поднялась и вышла прочь из комнаты.

Патрисия вздохнула и разжала ладонь, в которой все утро она сжимала небольшой клочок бумаги, обнаруженный ею сегодня под подушкой. Расправив изрядно скомканный лист, она прочла несколько строк, написанных неверной рукой с множеством клякс и помарок:

«Дорогая Пэт, когда ты будешь читать мою записку, я, вероятно, буду далеко. Мне очень трудно расставаться с

тобой и матушкой, но я решил. Когда я стану знаменитым и вернусь сюда, завоевав новые земли и покрыв свое имя славой, я заберу тебя с собой в мир, где все добры и счастливы. Прощай, мой верный друг, не грусти! Мы обязательно встретимся, я обещаю!

Твой Чарли».

Несколько слезинок, добавив клякс, упали на записку. Патрисия, вновь сжав бумагу в ладони, взобралась, поджав под себя ноги, на подоконник, свое излюбленное место. Острое чувство одиночества и тоски охватило ее, и предательские слезы, которые девочка всеми силами пыталась сдержать, полились ручьем, покрывая щеки, обильно усыпанные легкомысленными веснушками.

Мисс Патрисия Кленчарли приходилась единственной дочерью сэру Томасу Кленчарли. Когда-то род Кленчарли, считался славным, но дед сэра Томаса, человек неуравновешенный, склонный к пьянству и интригам, был окончательно соvrащен с пути истинного мятежным герцогом Монмутом, и послан на плаху. После столь позорной кончины отца, сын его, Хьюго Кленчарли, потерял все, кроме ветхого имения Латус-хилл. Жил он в бедности и забвении, жалко радуясь тому, что ему не предъявляют претензий за грехи его недалекого предка. Женившись на некой Мэри Энн Мак-Кин, мистер Хьюго от тоски наплодил детей, кои, в свою очередь, имели счастье умереть в раннем детстве. Судьбе угодно было оставить в живых только дочь Маргарет, которая вскоре

была отправлена в Эдинбург на воспитание к шотландской тетке и сына Томаса, тревожившего тихого отца Кленчарли своим неумным дедовским характером.

Умер Кленчарли-старший, даже не дожив до пятидесяти лет. Смерть его была столь же робкой, как и существование, церемония скромной, а присутствующие весьма немногочисленны.

Томас получил в наследство долги и Латус-хилл, приносящий в большей мере убытки. И его это не устраивало. Он был полон решимости действовать, потому как мнил себя финансовым гением. И действительно, вскоре Томас Кленчарли продемонстрировал свои таланты всей Англии, ввязавшись в один сомнительный проект в королевских колониях, и авантюра, на удачу, оказалась успешной, обогатив не только его самого, но и казну Его Величества.

Томас Кленчарли поправил свои дела, восстановил поместье, к его имени удачно пришлась приставка «сэр», и, купив земель, он, наконец-то женился. На поприще Гименя, правда, с точки зрения общества, сэр Томас дал маху, совершив мезальянс. Но молодой супруг был счастлив. Его избранница – дочь спившегося и всеми забытого полковника королевской кавалерии – была хорошенькой, доброй и непритязательной. Но родами, производя на свет малышку Патрисию, жена умерла.

Томас Кленчарли горевал долго и тяжело, но даже безутешное горе не заставило его отказаться от новых финансо-

вых приключений. Громкое дело с «Благотворительной корпорацией» прозвучало заключительным аккордом в его карьере. Имя Кленчарли стояло не последним в списке замешанных в сей неблаговидной и грязной аванюре высокопоставленных лиц. То был крах. Репутация погибла навсегда, имущество пошло с молотка.

К счастью, не все святые отвернулись от сэра Томаса. В самый отчаянный момент, когда Кленчарли подумывал пустить пулю в лоб, пришла помощь в лице его университетского друга Джонатана Гуилхема.

Когда-то, в Кембридже, судьба свела двух совершенно разных молодых людей. Кленчарли сам пробивал себе дорогу, Гуилхем же мчался по проторенному пути в крепкой карете с гербом. Отец Кленчарли лежал в могиле всеми забытый, а предок Гуилхема заседал в палате лордов, имел обширные земли и безупречную репутацию.

Кленчарли был беспорядочен, неразборчив в знакомствах, не знающий меры ни в выпивке, ни в плотских утехах. Гуилхем педантичен во всем. Начиная с утра, когда он вставал и все процедуры проводил в определенном порядке, никогда и ни при каких обстоятельствах ничего не меняя, и до вечера. Если он оказывался на веселой пирушке, то выпивал лишь определенное количество спиртного и всегда хранил себя в плотской чистоте.

Время юности прошло. Разлетевшись по своим родовым гнездам, молодые люди не расстались. Они вели активную

переписку и кое-какие совместные дела. Вскоре Гуилхем, похоронив без особой скорби своего батюшку, стал подписываться несколько длиннее обычного, перечисляя всевозможные земли и поместья. А когда он взял в жены старшую дочь лорда Брокуэлла, красавицу Элеонор, да еще с приданым в пять тысяч фунтов в год, думалось, что сей джентльмен всучил-таки взятку неподкупной Фортуне. Стоит ли в таком случае, заострять внимание на том, что, когда сэр Томас женился по любви на дочери недостойного человека, молодой лорд Уорбрук отправил ему скупое поздравление, больше схожее с нравоучениями, в весьма холодном тоне и перестал, как бы невзначай, принимать его в своем доме. Переписка прекратилась, дела прервались на неопределенный срок.

Когда обанкротившийся Томас Кленчарли уже был готов от безысходности спустить курок, можно только представить его удивление, когда на пороге своего дома он увидел старого товарища Джонатана Гуилхема, лорда Уорбрука, явившегося в блеске своего величия и с деловым предложением.

Предложение состояло в следующем:

Он, Гуилхем, выкупает имение Латус-хилл и отправляет его, Кленчарли, на Барбадос, где он, Гуилхем, приобрел землю акров на..., впрочем, это неважно, и просит его, Кленчарли, управлять его, Гуилхема, делами в южной колонии за определенное вознаграждение.

Хотя предложение и было унижительным, но лучше, чем пуля, и Томас Кленчарли согласился.

А что до чести? Ох, если о ней задумываться всерьез!

А что же с малышкой Патрисией?

Если он, Кленчарли не возражает, то девочка может воспитываться вместе с его, Гуилхема, детьми, и он, Гуилхем, впоследствии устроит ее судьбу.

Что ж, он, Кленчарли, согласен, ведь малышка может не выдержать тропического климата Барбадоса. В дальнейшем Томас Кленчарли писал дочери длинные письма, бойкие, но лишённые особого тепла. В них было больше долга, нежели привязанности, которая, если быть честными, и не могла возникнуть между отцом и его чадом через тысячи миль. Но когда Патрисия научилась читать и писать, ей понравились послания единственного родного для нее человека.

Сэр Томас писал много, вероятно восполняя этим сердечную прореху, описывая все происходящее вокруг него ярко и объемно, с грустной иронией называя себя плантатором и отпуская по этому поводу невеселые, но остроумные шутки. Патрисия очень любила его письма.

Сейчас девочка, сидя на подоконнике и обхватив колени руками, думала о возможности в будущем уехать к отцу на Барбадос и освободиться от жестких тисков опеки лорда Уорбрука. Ей казалось, что, несмотря на долгую разлуку и отчуждение, они с отцом, по сути, два совершенно одиноких человека, смогут мирно сосуществовать вместе.

Патрисия твердо решила, найти себе полезное занятие. Ей нравилась мисс Пирс, и нравилось то, чем она занимается.

Патрисия считала профессию учителя достойной уважения и перспектива стать гувернанткой ей пришлась по сердцу. Мыслями о будущем она немного развлекла себя. Слезы высохли. Девочка собрала всю свою волю, рассуждая, что без Чарльза, его поддержки и веселых выходов, ей придется туго в мрачном доме лорда Уорбрука, но необходимо потерпеть. Она пройдет все испытания, уедет на Барбадос к отцу и начнет новую жизнь, пусть не столь сытую и респектабельную, но свою.

—3—

Ночь выдалась безлунной. Чернильный воздух слился с непроницаемостью воды, не давая шанса очам телесным разделить верх и низ. И хотя небеса выставили напоказ все свои сокровища, высыпав на темный шелк божественной бездны сияющее серебро, редкий путник порадовался бы столь завораживающей картине.

Когда вас угораздило путешествовать морем, не освещенным лунным светом, звезды на время перестают быть ориентиром. Отражаясь в океане, мерцающие точки заполняют пространство, соединяя воедино и небеса, и воду, превращая его в чудовище, способное не только поглотить вас, но и ввергнуть в полное забвение. Страх и одиночество, вечные попутчики человека, в такой момент приобретают исполинские размеры, делая дитя земное ничтожнее, нежели оно есть на самом деле. Сознание хрупкости и незащищенности некоторых подталкивает к решительным действиям, а неко-

торых пригибает к земле и ставит ногу на горло. Человек и так блуждает во тьме, но, когда к тьме духовной прибавляется тьма физическая, боль утрат и ненависть к миру обостряются. Часто люди позволяют страху властвовать над собой, не прилагая усилий вырваться из этого порочного круга, сделать шаг в черную мглу и убедиться, что под ногами все же твердь.

Тьма пугает безысходностью, но ведь тьма – просто отсутствие света! Это не гибель! Воздетые к небесам руки пытаются достать звезды, дабы осветить путь! Но иногда достаточно сделать шаг! Нет необходимости срывать светила!

Эта ночь выдалась безлунной. В такие ночи хорошо сидеть у камелька, попивая нечто согревающее, и философствовать с хорошим человеком на вечные темы, а то и просто в полной тишине размышлять о судьбах людских, о возможности преобразовать собственную вселенную, заключенную в человеческом теле. Ведь эта ночь выдалась безлунной.

Вахтенный «Счастливого», чертыхаясь, вглядывался во мрак. Мгновенье назад он услышал всплеск от весла, когда же звуки приближающейся шлюпки стали явственнее, он, вскинув карабин, совершенно в сложившихся условиях бесполезный, крикнул в направлении шума:

– Эй, кого там черти несут?

– Меня, – метнули ответ, и вахтенный вмиг опознал капитана, а по интонации голоса – степень его опьянения. – Ки-

дай трап, крыса трюмная!

Оказавшись на палубе, капитан стряхнул с плеча какую-то ношу, в ней, при свете факела, вахтенный разглядел мальчишку лет одиннадцати-двенадцати. Он был без сознания.

– Чего это, капитан, – хмыкнул матрос, слегка поддев ногой ребенка, – сын губернатора?

Капитан Гершем, высокий, атлетически сложенный мужчина примерно сорока лет, приподняв одну бровь, закурил трубку, и, затянувшись, обнажил в оскале свои идеальные зубы.

– Бери выше, – пробасил он. Заметив, что мальчик шевельнулся, бросил, – ишь, очухался.

Ребенок, приподнявшись на локте, непонимающим взглядом обвел темноту и двух моряков, стоящих над ним и, не предпринимавших никаких попыток помочь ему подняться. По правой щеке мальчика расплылся иссиня-черный кровоподтек, свидетельствовавший о сильном ударе наотмашь, от которого он и потерял сознание. Окончательно придя в себя, мальчик осмотрелся. Его большие темно-карие глаза вспыхнули ненавистью, когда он остановил свой взгляд на Гершеме.

– Куда ты притащил меня, сволочь? – проговорил юнец.

Капитан Гершем наклонился над ним и, пустив струю дыма в лицо ребенку, произнес:

– У тебя началась новая жизнь, сосунок, – и, выпрямившись, добавил, – теперь-то я из тебя дурь выбью.

Мальчишка с трудом поднялся на ноги и, глядя на своего обидчика, так будто хотел испепелить его взглядом, отчетливо проговорил:

– Верни меня назад, урод!

Гершем осклабился и толкнул мальчонку одним пальцем, от чего ребенок вновь упал. К этому времени на палубе собралось еще несколько человек, с интересом наблюдавших за этой неприглядной сценой. Капитан дал знак какому-то верзиле приблизиться.

– Вот что, мистер Брайн, всыпь-ка парню пяток горячих. Пора заняться его воспитанием. Парень здорово распустился.

Боцман, коего Гершем назвал мистером Брайном, без слов, медленно вытащил из-за широкого ремня плетку и, взяв брыкающегося из последних сил мальчишку за шиворот, поднял его. Он зажал голову юнца между своих коленей и нанес ему несколько ударов по спине и прочему. Мальчишка, стиснув зубы, не проронил ни звука. Гершем хмыкнул.

– А щенок-то упрямый! – капитан подошел к парнишке, выдернув его из-под боцмана за черные, слипшиеся в испарине волосы, и, дыша ему в лицо крепким запахом рома, улыбнулся почти дружески.

– Ненавижу, – прошептал мальчик, и вновь потерял сознание. Гершем швырнул его какому-то парню лет двадцати, со включенной шевелюрой темно-русых волос.

– Брось змееныша в трюм, Биглз, – кинул он небрежно,

направляясь к рубке. — Не поумнеет, продам за пару фунтов. Хоть какая выгода. А ну-ка, все по местам, лентяи! Ставить грот! Курс зюйд-ост!

Дэйв Биглз, самый молодой моряк на «Счастливишке», обладал внешностью далекой от образа любителя приключений. Он больше походил на сельского кузнеца, простодушное лицо его с серыми искрящимися добротой глазами сразу вызывало симпатию. Женщины, глядя на него, рисовали себе картины тихого семейного счастья с надежным достатком, кучей ребятишек и добрым работающим супругом. Попав на судно контрабандистов исключительно только по доверчивости, теперь он мучился угрызениями совести, но так как сдружился со многими моряками, та же совесть, а также некоторая мягкость характера, не позволяла ему их бросить. Про таких говорят «славный малый». Речь его была проста и незатейлива, грамоте он был обучен скромно, но вычислить свой процент дохода от добычи Дэйв Биглз умел моментально.

После того, как все разбежались, Биглз присел на корточках подле несчастного мальчика и, засунув в рот соломинку, легонько похлопал мальчика по щеке, тот открыл глаза. Матросы сновали в аврале, надрывалась боцманская дудка. Мальчишка присел и тихо застонал от боли.

— Эй, парень, — негромко произнес Дэйв. — Ты как? Сможешь, сам идти-то? А то тащить тебя нет никакой охоты, я тут спину повредил.

– Что с твоей спиной? – спросил мальчуган, пошатываясь, поднялся, давая понять моряку, что идти он может самостоятельно.

– Прыгал, хорошо выпивши, на спор с марса⁶, ну и... – Биглз показал кривую траекторию рукой. – Еще легко отделался.

Мальчик усмехнулся.

– Куда идти? – спокойно спросил он.

– Мне велено запереть тебя в трюме, – немного виновато произнес моряк, ему нравилась стойкость малыша, шедшего наперекор такому грозному типу, как капитан Гершем. – Ты уж извини, парень.

– Странный, ты, какой-то, извиняешься, – улыбнулся юнец, опершись о мачту. – Как твое имя?

– Дэвид Биглз, – ответил моряк. – Я тут не так давно. А тебя как величать, малыш?

– Чарльз, – проронил он, разглядывая шлюпку, подвешенную на боканцах⁷. – А тебе не приходило в голову, удрать отсюда, Дэйв? На что тебе эта свинья, Гершем?

– Думаешь, другие лучше? – усмехнулся Биглз. – А ты, я смотрю, Чарли, бойкий парень! Тебе бы отлежаться пару деньков, сил поднабраться, а потом и строить планы.

– Где это отлежаться, с крысами в трюме? – глаза маль-

⁶ Марс (нидерл. *mars*) – площадка на верхушке составной мачты.

⁷ Боканцы – короткие прямые балки, железные или деревянные, укрепленные в борту судна и вынесенные за борт свободным концом.

чугана блеснули. – Слушай, Дэйв, мне нужно на Барбадос, помоги.

– Горячий ты, приятель, – хмыкнул моряк. – Так дела не делаются. Мы уже далеко от острова. Лучше сделаем так. Посидишь в трюме, не растаешь, а я за это время все подготовлю. Не дрейфь, не обману. Мне и самому этот Гершем... – моряк провел большим пальцем себе по горлу. – К тому же не время сейчас, сам видишь.

– Вижу, – вздохнул мальчишка. – Ладно, пошли. Ну, если обманешь, прижгут тебя черти на том свете.

– А ты у них в командирах, что ли? – заржал Биглз. – Не бойся, чертенок, Дэйв Биглз слово держит.

-4-

Капитан Боб Доджсон давно мечтал о такой добыче. Глядя в подзорную трубу, он с наслаждением наблюдал, как корма французской бригантины тяжело скатывается под волну, почти зачерпывая воду пушечными портами.

– Жадность до добра не доводит, – вполголоса, проговорил капитан Доджсон. – Да, перегрузили «лягушатники» свое корыто.

Вот уже полдня его шхуна «Долли» шла на расстоянии двух миль от бригантины, не продвигаясь вперед и не отставая, капитан присматривался. Доджсон слыл хитрой лисой в обществе «берегового братства» и всегда действовал осторожно. Когда-то давно он был пойман властями, бит плетями, клеймен и отправлен рубить тростник на Барба-

дос. Бежал с каторги совершенно таинственным образом. На его высоком лбу красовалась буква «П», которую он теперь скрывал ярко красным платком.

Ему было около сорока, из-за привычки всегда держать в зубах трубку, он прищуривал правый глаз, отчего создавалось впечатление подозрительности и парня себе на уме. Его далекое прошлое было также туманно, как и остров, приходившийся ему родиной.

Доджсон пользовался поддержкой зрелых моряков, ходивших с ним, сначала под британским каперским флагом, а затем, последние два года, под флагом черным, но молодняк был им не доволен. И сейчас, когда капитан со старпомом по очереди смотрели в подзорную трубу, вырабатывая план действий, группа моряков во главе с высоким смуглым юношей собрались у правого борта.

Мятежник, носивший имя Блэкмор, был чрезвычайно энергичным и до крайности дерзким, самым молодым среди собравшихся матросов. Ему едва минуло восемнадцать, но авторитет его в среде корсар уже был очевиден. Попал он на судно к Доджсону около шести лет назад, уверенно встав на нелегкий и притягательный путь флибустьера, и через некоторое время обнаружил нешуточные задатки лидера. Все, за что Блэкмор брался, он делал четко, со смелой выдумкой. Юноша легко подчинял себе людей, был умен и остер на язык. Он был из тех людей, которые нередко вызывают у окружающих восхищение, но чаще у большинства

вызывают зависть.

Блэкмор обладал двумя тривиальными, но ярко выраженными страстями: женщины и власть.

Распрощавшись с невинностью в четырнадцатилетнем возрасте, он без устали подтверждал истину о подруге в каждом порту и свою долю добычи вмиг спускал на продажные сладострастные утехы. Оставшись, зачастую без единого пенни, Блэкмор становился должником своего товарища, добряка Биглза, который всякий раз прощал темпераментному другу все долги, считая себя ответственным за его судьбу.

Жажда же власти Блэкмора, следует заметить, не являлась болезненно всеобъемлющей. Просто он не любил подчиняться, а единственным способом избавления от повиновения для себя он видел в покорении своей воле окружающих. Часто, рискуя быть битым плетью, заносчивый юнец вступал в спор с капитаном, продвигая свои идеи, окрестив все методы Доджсона «мертвечиной». Юноша весьма открыто противостоял капитану, и Биглзу приходилось не раз незримой тенью охранять своего горячего товарища от посягательств на его жизнь.

Запальчив Блэкмор был чрезвычайно, несмотря на зарождающуюся способность к рассудительности. Треть всех драк, происходящих в Джойтауне, можно смело отнести на его счет, из которых молодой пират иногда, выходил победителем. Оружием он владел недурно.

Одевался сей джентльмен с небрежной роскошью, совершенно уверенный в том, что не одежда красит его, а наоборот — истина, против которой не хватает никаких аргументов. Природа одарила его сверх меры (кстати, следует заметить, что в этот момент, когда мать всего сущего трудилась над сим шедевром, кто-то, согласно закону равновесия сил был явно обделен ее вниманием). Ум, чувство юмора и обаяние Блэкмора дополняли великолепное сложение, густая, поддетая волной шевелюра, темно-карие глаза в ореоле длинных пушистых ресниц, черные брови вразлет, немного полные, выведенные изящными линиями губы, волевой подбородок с маленькой ямочкой и нос, которому мог позавидовать древний эллин.

Итак, молодые моряки, недовольные бездействием капитана, роптали. Требовалась решительность, ведь было оче-

видно: бригантина не разовьет большой скорости, а много-часовое преследование ее уже давно подняло в ружье всю французскую команду, и они успели подготовиться. Блэкмор, сплюнув через борт, направился к мостику. Доджсон, заметив это, оперся на перила, громыхнул:

– Где твое место, Блэкмор?

– Та-а-ам, – по-детски капризно протянул наглец, кивнув на капитанский мостик. Около Блэкмора уже образовалась группа матросов, поддерживающих его. – Ты же не будешь возражать, старик, если мы произведем безотлагательно смену капитана?

– Ты все же, выпросил «кошки», паренек. Эй, мистер Рэмбл, возьмите молодца да всыпьте ему десяток, да забористей, чтоб память крепче была! – он обратился к верзиле, около семи футов росту, стоящему за спиной Блэкмора, но тот не двинулся.

– Доджсон, – показывая в усмешке ровные белые зубы, произнес Блэкмор, – слезай с бочки!

– Давно надо было тебя повесить, – сказал капитан таким тоном, каким обычно говорят: «надо бы оставить тебя без сладкого».

– Ну, хороша ложка к обеду, – отозвался Блэкмор. – Я как раз обладаю бесспорным шансом примерить на твою шею пеньковый галстук, и у меня нехороший зуд в ладонях, а вокруг, как на грех, одни реи. Так что поторапливайся, Боб, пока я еще чту христианские заповеди. Мы теряем время. Ми-

стер Хорнблоу уже зажег фитили, и его ребята взволновано дышат. Как видишь, от твоей команды остался только старпом. Кстати, мистер Мо, не желаете к нам присоединиться?

Старпом, видя, что дело пахнет жареным, набрав воздуха в легкие, хотел, было что-то сказать, но потом, решительно повернувшись к капитану тылом, спустился на шканцы к бунтарям. Доджсон, ухмыльнувшись, плюнул ему вслед.

– В трюм его пока. Подберем нашему задумчивому «волку» симпатичный островок, – весело сказал Блэкмор, подбросив жонглёрским движением подзорную трубу. Он поднялся на мостик.

Доджсон улыбнулся.

– Обыграть бы надо такой торжественный момент, Блэки, – он вытащил свою шпагу из ножен. – Вот принимай! Из тебя вышел толк! Да я и не сомневался никогда, дружок, в тебе.

– Боб, – взяв из рук бывшего капитана шпагу, засмеялся Блэкмор. – Всегда мне нравилось твое самообладание. Накинь тебе петлю на шею, и тогда не растеряешься!

– Блэки, – произнес капитан – Надеюсь, ты отдаешь себе отчет, что и твоя власть не вечная.

– Вполне, – проговорил Блэкмор. – В жизни как в покере, если судьба предоставила шанс, нужно только подыграть ему и сейчас же им воспользоваться. Уж прости! Тебе карта сегодня выпала дрянная!

Доджсон улыбнулся так, как улыбнулся бы мудрый учитель, узрев в своем ученике признаки озарения. Толкнув его

в спину, Бове увел бывшего капитана в трюм.

— За дело, джентльмены! Все по местам, — проводив взглядом своего бывшего командира, скомандовал капитан Блэкмор. — Рулевой, держать круче к ветру.

Расчет молодого капитана оказался математически выверенным. Развернувшись, — обойдемся без преувеличений, — в нескольких дюймах от французской кормы, тем самым, введя соперников в легкое замешательство, шхуна, почуяв верный галс, рванула вперед. Пушки были наготове. Весь правый борт «Долли» дружно громыхнул залпом, превращая палубу «француза» в месиво из щепок, такелажа и окровавленных тел. Абордаж был коротким. То была блестящая победа! К тому же выигрышная.

На бригантине было в избытке табака, серебра и пряностей, на сумму, как на глаз подсчитал Биглз, около пятидесяти тысяч фунтов стерлингов. Куш изрядный!

Старые пираты, которые были с трудом подбиты на бунт Блэкмором, остались довольны, ведь человеческие потери со стороны флибустьеров оказались минимальными, только благодаря неожиданному плану их нового капитана.

Правда потом произошла некоторая заминка. Половина команды, не столь верная Блэкмору, требовала затопить французский корабль вместе с командой, другая половина во главе с молодым капитаном была против расправы.

— Джентльмены, — начал он, обводя оппонентов, казалось,

отрешенным взглядом. – Я уважаю ваше мнение. Глубоко в душе, – он медленно вытер с клинка шпаги кровь о рукав своей сорочки и негромко добавил, – так глубоко, что мне на него плевать, пожалуй.

Пираты доселе громко спорили, но теперь же атмосфера наполнилась драматичным безмолвием. Бунт, как цепной пес, готов был к броску. Не в привычках джентльменов удаchi менять старые правила. Юноша, стоявший против всех только с малой кучкой единомышленников, просто глумился над, буквально, патриархальными законами. И было ясно, что он перережет не одну глотку, прежде чем даст накинуть себе петлю на шею.

– Ты идешь против большинства, Блэкмор! – выкрикнул кто-то из толпы.

– Больше не есть лучшее, – с усмешкой, проронил молодой капитан. – Алчность делает из вас глупцов, не видящих очевидного. Учились бы на французских ошибках. Мы разделим груз на два корабля, команду «жаков» высадим в шлюпки, к ним у меня больше нет претензий. – Он сунул трубку в рот, раскуривая ее.

– Что-то ты, Блэкмор, весьма сердоболен, – рявкнул один из товарищей Доджсона. – Тебе бы не в пираты идти, а в епископы.

Блэкмор как-то по-доброму посмотрел на моряка.

– Давай проверим мою сердобольность на деле, Бэнсон, – отозвался Блэкмор и, повернув голову к товарищам, прого-

ворил: – Повесить!

Гробовая тишина сопровождала казнь. Бэнсон, оглушенный неожиданным поворотом, растерянным взглядом искал поддержки у товарищей. Но пираты молчали. Им нужны были доказательства капитанской твердости, и они затаились в ожидании развязки, многие были уверены, что «молокосос» не решится идти до конца. Бэнсон с недоумением посмотрел на Блэкмора, когда его шея уже ощутила грубый ворс веревки. До последнего мгновенья бывалый моряк думал, что капитан желает только припугнуть, а Блэкмор ждал требований о помиловании от его друзей. Невозмутимое безмолвие, которое простодушно нарушали стоны рангоута и шлепки волн о борт, утомляло. Капитан сделал две затяжки из трубки. Тело Бэнсона задергалось в предсмертных конвульсиях.

– И этих шестерых! – Блэкмор указал трубкой на моряков, как он знал, водивших дружбу с Бэнсоном, – на рею. За попытку устроить мятеж, а равно и за трусость.

–5–

К вечеру ветер усилился, надвигался шторм. И, прежде чем на горизонте показалась узкая полоска суши, волны уже перекидывали друг другу пиратские корабли как щепки. Шквальный ветер рвал такелаж бригантины в клочья, старая посуда без того неважно державшаяся на плаву, стала крепиться на правый борт и черпать воду.

Блэкмор, оставивший на бригантине командиром старпома Мо, – выбора не было, из всех моряков только Мо обладал кое-каким опытом навигации и кораблевождения, – теперь чертыхался на чем свет стоит. По карте Блэкмор установил, что полоска суши, мелькавшая на горизонте – небольшой островок с множеством спокойных бухт, где можно было бы переждать бурю. Необходимо только немного дотянуть.

Надежда появилась, когда бригантина выпрямилась. Похоже на ней стащили балласт на левый борт, но новая неожиданность вызвала шквал ругательств. Крюйс-брам-стенга треснула, и, повинувшись всем законам физики, полетела за борт, потащив за собой такелаж, и развернула корабль бортом к волне. Бригантина накренилась, зачерпнула воду. Это был конец. С «Долли» бросали все, что могло плавать в помощь, оказавшимся в воде морякам. Спасти удалось только троих.

Блэкмор, в настроении далеком от умеренно-бешенного, отдавал команды зло, из приличных слов в его речи были только морские термины. Вскоре, шхуна добралась до острова и вошла в спасительную бухту. Часть команды во главе с Блэкмором, сошла на берег, прихватив с собой некую емкость, с помощью содержимого оной пираты намеревались помянуть своих погибших товарищей.

Действительно, бухта оказалась более чем спокойной, лишь легкое покачивание верхушек деревьев и доносившийся шум напоминали о творившемся за грядой высоких скал

стихийном безобразии. Дождь шел с разбушевавшихся небес ровными потоками, и пираты разбили лагерь под буйной растительностью. На шхуне Биглз оставил нескольких человек, коим было запрещено злоупотреблять алкоголем. Боцман показал стражам свой увесистый кулак, как аргумент, и приказал «глядеть в оба».

Сошедшие с корабля, подогревшись, доселе молчаливые пираты разговорились. Впечатления от пережитого высказывались в суровых выражениях, не допустимых до слуха как приличных, так и не очень приличных дам. Блэкмор мрачно поглощал порции рома, обдумывая происшедшее. К нему подошел Биглз и плюхнулся рядом.

– Как ты, Блэк? – спросил он.

– Как? – усмехнулся капитан, и, хлебнув из кружки, отчеканил, – гордыня воспалилась.

– Брось, Блэк, – взяв из рук товарища кружку, Биглз не преминул приложиться к ней. – Этот Мо – растяпа, упокой, Господи, его душу. Да, и суденышко было, что корыто, весь такелаж ни к черту. Ребята тебя не осуждают.

– Считай, утешил, – произнес Блэкмор. – Спасибо, Дэйв. – Капитан подтолкнул друга плечом. – Ты оставил людей на шхуне?

– Да, – ответил боцман. – Шестерых. Тебе принести еще?

– Если ты так любезен, – произнес Блэкмор, протягивая товарищу кружку.

Когда мужчины столь суровой профессии, остаются один

на один с крепкими напитками, да еще после нелегких испытаний, нет никакой гарантии, что в бочонке останется что-то, кроме запаха. Вскоре, когда емкость опустела, а мозги заволокло туманом, мастера абордажного крюка и сабли полегли и забылись здоровым молодецким сном.

Часа через три, Блэкмор с трудом продрал глаза, когда почувствовал, что плечо его подвергается грубой тряске от чьих-то назойливых рук. Капитан в ярости схватил обладателя несчастливых конечностей за шею и придвинул его лицо ближе к себе. В здоровяке с пышными усами он узнал француза Бове, затесавшегося когда-то к английским пиратам из-за необходимости скрываться от своих. Он с трудом говорил по-английски, а когда волновался, то вообще забывал то, что знал.

– *Capitaine*, – проговорил Бове. – *la goelette a disparu*. (Капитан, шхуна исчезла!)

– *Que diable?* – прорычал Блэкмор. – *Qu'est ce que tu racontes??* (Какого дьявола? Что ты несёшь?) – капитан вскочил на ноги и воззрился на бухту. От шторма не осталось и следа, безучастная луна осыпала серебром кроткие барашки набегавших волн.

Блэкмор, не веря своим глазам, тупо вошел в море и несколько секунд стоял, вглядываясь в горизонт, затем он разразился громким хохотом. От этого смеха проснулись остальные моряки и высыпали в недоумении на берег. Биглз, еще не протрезвевший, тоже вошел в воду и, ополоснув ли-

цо, чертыхнулся.

– Каких недоносков ты оставил на шхуне, Дэйв? – хохоча, спросил Блэкмор.

– Ну, этих, как их, черт... – Биглз никак не мог сосредоточиться: – Ларсона, Дулитла, Скофилда, и этих... ну ребят, молодых. Гадство!

– Вот Доджсон их и уговорил. Надо было вздернуть этого виртуоза вместе с Бэнсоном, – утирая, выступившие от смеха слезы, констатировал капитан и, указав на качающуюся посреди бухты лодку, сказал. – Гляди, старина Боб оставил нам шлюпку! – и снова залился смехом.

– Что делать будем, Блэк? – спросил совершенно подавленный боцман.

– Марш за шлюпкой! – злобно и весело приказал капитан. – А то придется основывать колонию мальчиков на этом куске грязи.

Пара корсар, жестоко терзаемых похмельем, ринулись вплавь к шлюпке. Подведя к берегу, они осмотрели ее. Она оказалась целой, но без весел. Уже успокоившись, Блэкмор подошел к их единственному спасательному средству. Ему показалось, что на дне что-то белело. Он нагнулся и обнаружил игральную карту, семерку пик.

– Ну, что ж, мистер Доджсон, – вполголоса проговорил Блэкмор, – спасибо за науку.

– Что будем делать, капитан? – повторил Биглз.

Блэкмор окинул взглядом свою команду. Вид их, растре-

паннный и помятый, вызвал у него улыбку.

– Надо выбираться из этой навозной кучи, – произнес он. – Ты, Харди, возьми еще двоих и идите на поиски воды. Если найдете что-нибудь, что можно есть, берите. Бове и Рэмбл, «дуйте» в лес и без весел не возвращайтесь. Как вы будете их делать, мне не интересно, но, чтобы весла были, или заставляю грести своими клешнями. Вперед!

Биглз, узрел бочонок из-под рома, предусмотрительно припрятанный за большим валуном на берегу кем-то. Он взял его и с разочарованием обнаружил, что вожденной влаги осталось немного. Раздраженно выхватив пустую кружку у одного из рядом стоящих моряков, Биглз вылил в нее остатки рома.

– Последний, Блэк, – пробурчал он, – возьми, опохмелись, может покладистей станешь.

Блэкмор хмыкнул и вмиг опрокинул в себя содержимое кружки. Скоро, если не считать зверской жажды, ему стало приятней ощущать свое тело. Когда все собрались, Блэкмор произнес:

– В шлюпку помещаются шестеро, нас двадцать два человека. Никого выбирать не стану, вы должны решать сами, кто останется. Повезет, мы доберемся до Джойтауна⁸ и вернемся за вами.

Без возражений, после небольших переговоров, пятеро

⁸ Джойтаун – остров в Атлантическом океане и городок на этом острове. Пристанище пиратов, выдуманное автором.

человек выступили вперед.

– Отлично, – выдохнул капитан. – Сыграем еще партию. Если Фортуна не будет дурой, то не станет показывать нам свой роскошный зад еще раз.

Пираты грохнули дружным хохотом, перемешивая его со скабрёзными шуточками.

Вскоре капитан и еще пятеро счастливицов погрузились в шлюпку. Впереди их ждал океан и неизвестность.

–6–

Солнце палило нещадно. Моряки гребли дружно и зло, без долгих передышек. По расчетам Блэкмора, к вечеру второго дня должен показаться долгожданный берег. Хотя с едой и водой было туго, надежда подстегивала. Где-то глубоко в душе мерцала гнусная мысль о хрупкости шанса, но молодость тем и хороша, что, часто отбрасывая в раздражении здравый смысл, подчиняется жестким инстинктам и вере в свою счастливую звезду. Пираты опаленные, бронзовые от загара, обливающиеся ручьями пота, стиснув зубы, упорно продвигались вперед, следуя путем самонадеянности и напористости, натирая грубо сделанными веслами кровавые мозоли на крепких ладонях.

– Капитан, – крикнул рябой Харди, – справа по борту судно!

Рассекая форштевнем волны, уверенно расправив паруса и изящно опускаясь, и поднимаясь на волнах, военный 28-

пушечный красавец – фрегат английской конструкции, шедший в бакштаге, не мог не вызвать восхищения. Но флаг его поверг пиратов в скверное расположение духа. Это был испанец. Даже для того угрюмого времени, испанцы слыли извергами, и попасть к ним в плен, а тем паче английским пиратам, было более чем мрачной перспективой. Мысль о бегстве посреди океана казалась нелепой. Пираты все в едином порыве воззрились на капитана.

– У нас есть веревки? – спросил Блэкмор. – Ага, прекрасно!

Глаза догадливых весело заблестели. Пираты все сделали, как сказал капитан, и когда фрегат, заметивший их, подошел к ним вплотную, взорам испанских моряков представала недвусмысленная картина. Было ясно, что темноволосый юноша с мольбой в глазах и кляпом во рту – пленник. Вскоре вся команда Блэкмора вместе с ним была принята на борт. Пленника развязали. Капитан корабля, в черном платье, расшитом золотом, обратился к нему.

– Кто вы?

– Господь услышал мои молитвы, – воздев глаза к небу, ответил на великолепном испанском языке капитан пиратов. – Меня зовут Карлос де ля Нэгро. Я сын негоцианта, мы шли в Маракайбо. Эти мерзавцы захватили наш корабль, убили отца, наших людей, а меня взяли в плен, но два дня назад в шторм захваченное ими судно затонуло, нам чудом удалось спастись. И, как видите, у меня не получилось избавиться от

их опеки.

– Они англичане? – продолжал допрос испанец.

– Да, грязные английские свиньи, – с нескрываемой ненавистью, произнес «негоциант».

– Что ж, сеньор, я рад, что смог помочь своему соотечественнику. Меня зовут Себастьян Рибера, я капитан этого корабля, – сказал он, дав знак гостю пройти вперед. – Будьте как дома дон Карлос.

Блэкмор кивком поблагодарил капитана за любезность.

Остальных пиратов испанец приказал отправить в трюм.

«Дону Карлосу» предоставили отдельную каюту и прекрасный костюм, богатство отделки, которого подтверждало его испанское происхождение. К великому удовольствию Блэкмор обнаружил на сундуке блюдо с фруктами и бутылку вина, отменного, как он оценил.

Умывшись и облачившись в тонкую батистовую сорочку, атласные кюлоты, камзол и жюстокор, Блэкмор перевел дух и оглядел себя. Ни дать, ни взять испанский кабальеро! Но ломать комедию придется недолго, ибо даже в совершенстве владея испанским языком, он мог попасться на лжи на самом невинном вопросе. Необходимо сосредоточится, этому, однако, чертовски мешала навязчивая дума о еде, выпитое вино вкупе с фруктами только усилило аппетит. Мысль о товарищах, запертых в душном трюме, перекрыла первую, эгоистичную. Нужно пошататься по кораблю и выяснить, где испанцы хранят оружие. Капитан не дурак, и, несмотря на его

вкрадчивый тон и кошачьи манеры, в колючих черных глазах Рибера читалось все же подозрение.

В дверь каюты постучали, матрос оповестил дона Карлоса, что капитан с офицерами ждут его к ужину в кают-компании. «Сейчас меня засыплют вопросами. Стоит отказаться». Блэкмор сжал ладони, кровавые мозоли саднили. Есть, однако, хотелось, но рисковать не стоит. «Передайте сеньору Рибере, что мне нездоровится, и я намерен подышать свежим воздухом. Спасибо». Дьявол, руки выдадут. Здесь где-то были перчатки. А, вот! Блэкмор натянул перчатки, нахлобучил треуголку, и вышел из каюты.

Поднявшись на палубу, он огляделся. На таком судне команда должна насчитывать не меньше, чем полтораста матросов. Корабль был английской постройки, захваченный когда-то испанцами. Значит, оружие должно быть только в одном месте.

Морякам было невдомек, почему спасенный ими негодяй с беззаботным видом прогуливался по палубе. Вечерело, солнце медленно сползало в океан. Какой-то матрос споткнулся перед «Доном Карлосом». Пират любезно помог подняться ему, чем немало удивил упавшего. Блэкмор небрежно кивнул и отвернулся от него, спрятав в карман небольшой нож, удачно выпавший из ножен испанца. Совершенно собою довольный, пират стоял у борта и наслаждался видом величественного заката южной Атлантики.

– Дон Карлос, – слышался за спиной негромкий голос

капитана. — Жаль, что вы отказались от ужина, сегодня он был вопреки обыкновению недурным.

Блэкмор обернулся и одарил испанца улыбкой.

— Верю, капитан, но я совсем не голоден, — соврал он и почувствовал, как его пустой желудок взвыл от зависти.

— Вам необходимо отдохнуть, — томно улыбнувшись, произнес капитан Рибера. — Завтра я бы хотел поговорить с вами.

Да, времени нет. Сможем ли мы вшестером захватить корабль? Шансы? То, что у нас есть, шансами не назовешь. На расчет надежды мало, вот если удача оказалась бы чуть благосклонней. Он отправился вниз. Ночь была решающей, а чувство голода невыносимо, молодой здоровый организм требовал пищи. Мимо проходил матрос, с подносом кукурузного хлеба. «И на том спасибо».

Ночь выдалась ясной и душной. Луна, словно гигантская рампа, освещала земные подмостки. Блэкмор разделся по пояс, испанская роскошь сковывала движения. Приоткрыв дверь, он заметил часового. «Да, дон Себастьян, вы правильно сделали, что не поверили мне». Но сторож, видно, не разделял подозрений своего капитана, он дремал. Тенью, выскользнув из каюты, Блэкмор встал за спиной своего стража. Молниеносное движение руками и испанец лежал на полу со сломанной шеей. Блэкмор спустился на нижнюю палубу. Часовой, заметив его, вскинул мушкет. «Какой ты нервный, амиго». Сверкнула сталь короткого лезвия. Теплая кровь

брызнула в лицо. Тошнотворный звук, вырывающийся из узкой раны на горле, отравлял тишину и резал слух. На ремне исходящего в конвульсиях испанца позвякивали ключи. А вот и подходящий. Пираты высыпали из зловонного мешка.

— *Oh! Le pantalon excellent, capitaine!* — заметил Бове. — *La soie!* (О! Отличные штаны, капитан, шелк!)

— Подарок дона Себастьяна, — приподняв многозначительно одну бровь, произнес Блэкмор, и уже серьезно продолжал: — Итак, джентльмены, картина следующая. На судне сто сорок семь человек команды плюс офицеры. Сейчас на вахте около тридцати матросов. Оружие на корме, постарайтесь не разбудить остальную команду раньше времени. Капитана я беру на себя. Наверное, не стоит говорить, что, если провалим финал, получим «отставку без предварительного уведомления».

Пираты переглянулись, будто обменялись мыслями, и ринулись наверх. Нельзя сказать, что или кто помогал этим отчаянным головам в их предприятии, но факт вещь упрямая! Шестеро злых, голодных и ведомых жаждой свободы молодых мужчин захватили фрегат. Единственным козырем в руках пиратов была внезапность. Для начала ту часть испанской команды, которая изволила почивать, заперли в кубрике. Моряков, стоявших вахту, тех, кто не успевал сопротивляться, оглушали и кидали за борт. Вступавших в бой, без жалости убивали. Никому из испанцев и в голову не пришло, что количество нападавших было как минимум в двадцать

раз меньше команды корабля. Судно было взято так ловко и бесшумно, что, когда в каюту к капитану, ворвался разгоряченный схваткой Блэкмор с окровавленной шпагой в руке, как воплощение жестокости и гнева, дон Себастьян, спросонья, не сразу вник в ситуацию, хотя считал, что подготовился к любым неожиданностям.

– Дон Карлос, – вскочив со своего ложа, вскрикнул капитан, – как посмели? Что это значит?

– Это значит, что ваш корабль захвачен, – ответил Блэкмор, и изящным движением пистолета указав на дверь, произнес: – Прошу, сеньор, ваша команда ждет на шкафуте.

Капитан, свирепо взглянув на своего гостя, вышел.

На верхней палубе, как стадо овец, загнанное волками, толпилась испанская команда под основательным прицелом. Здоровяк Рэмбл и рябой Харди, недолго думая, развернули несколько пушек, нацелив их на пленников и держали зажженными фитили, – что там пистолеты! Вот как зашалят, так и получат. Бове уже отправлял, довольно грубо, испанцев в шлюпки. Дэмпир и Кэрри выбрасывали трупы за борт. Окровавленная морская вода за кормой вздувалась и кипела от неистовой акульей трапезы. Блэкмор вывел капитана.

– Чувствовал я, с тобой что-то не так, – процедил Рибера из-за плеча.

– «На хорошей ткани тоже случаются пятна»⁹, кажется,

⁹ На хорошей ткани тоже случаются пятна – испанский эквивалент русской поговорки: «И на старуху бывает проруха»

так у вас говорят, – весело бросил ему в ответ Блэкмор и с издевкой подытожил: – В следующий раз не будьте столь легковёрны, сеньор Рибера.

– Будь ты проклят, висельник, – прорычал испанец.

– Да-а, – притворно разочаровано протянул Блэкмор. – А я-то думал, вы придёте в восторг от нашей блистательной победы. Ведь какова работа, а?

– Дьяволова, еретик чёртов, – сатанел дон Себастьян. – Гореть тебе в аду!

– Ну, гореть-то мы вместе будем, – подмигнул испанцу пират. – А может мне, и «милость» выйдет – место попрохладней, за то, что не повесил всю вашу компанию с тобой во главе.

– Лучше б повесил, – испепеляя Блэкмора взглядом, буркнул испанец.

– М-м, вот оно что, – произнес пират. – Честь задета. Но, извини, времени нет. Придется смириться. Смирение – наилучшее качество доброго христианина.

– Ублюдок, – прошипел Рибера.

– Он меня утомил, – небрежно кинул пират и дал знак Бове, закругляться с посадкой.

– Ну, что ж, джентльмены, мы заработали по чарке, – выдохнул Блэкмор. – Но расслабляться рано. Кэрри, Рэмбл, подобрать грот и фок, ставить стаксели. Придется справляться, орлы. Харди, марш на блинду¹⁰. Мистер Дэмпиер, разворачивайте фрегат. Право на борт! Курс зюйд-зюйд-ост! Заберем наших островитян. Надеюсь, они друг друга не съели. Бове, ты на камбуз, приготовь что-нибудь, сил нет больше. Посиделки отменяются, поедим на ходу. Кстати, как назовем трофей?

– На твое усмотрение, капитан, – крикнул, стоящий у

¹⁰ Блинда – В конце XVI – начале XVII века на бушприте (брус, выступающий вперёд с носа корабля) обычно устанавливали маленькую мачту – блинда-стенъгу с небольшим блинда-стенъг-реем. Примерно с середины XVIII века вместо блинда-стенъги ставили утлегарь с небольшим реем – бом-блинда-реем.

штурвала Дэмпир.

– Предлагаю окрестить «Скитальцем», – окидывая взглядом теперь уже свой корабль, произнес молодой капитан.

– А что, красиво и печально, – улыбнулся Дэмпир. – Я «за»!

– Ура, капитану Блэкмору! – заорал в эмоциональном порыве Харди.

– Гип-гип, ура! – троекратно подхватили пираты, после чего все хором задорно и весело грянули песню, весьма скабрезную, что-то там про крошку Мэри и ее безмерную страсть к молодым морякам.

–7–

Когда начинается война, люди, которые и так разделены всевозможными как физическими, так и духовными преградами, начинают делиться на дополнительные категории. На тех, кто отдает последнее, что у них есть, – часто в сие последнее входит их собственная жизнь, – и на тех, кто не только не расстается с чем-то ему принадлежащим, но и прибирает к рукам кое-что, пользуясь случаем. В свою очередь, те, кто наслаждается щедростью войны, делятся еще на две категории: мужи государственные и разбойники обыкновенные. Мужи государственные напрягают свой мозг, растрачивая часть своей неумемной энергии на лозунги и кличи, бросая в атаку тысячи молодых и здоровых мужчин. При этом, не забывая левой рукой размахивать в неистовом «патрио-

тизме», пуская слезу умиления, при виде шеренг «пушечного мяса», а правой класть в карман, то, что составит их благополучие до следующей «священной» войны. Разбойники обыкновенные, просто и весело грабят тех и этих, выдерживая строжайший нейтралитет.

Очередная война не была исключением. Европейские державы вновь делили между собой некие сокровища, перемалывая здоровое наследие в гигантской военной мясорубке. Англия грабила Испанию, Испания и Франция Англию, Голландия делала вид, что ни при чем, но кое-какие шалости себе позволяла. Пираты грабили всех, невзирая на флаги. В общем, все было, как всегда.

Выход в море теперь был и опасен, и притягателен одновременно. Либо вы шли на корм рыбам, либо вам несказанно везло, и в карманы текло золото. Но это крайности, конечно, на самом деле морские путешествия в это время обещали полную непредсказуемость и неопределенность.

Губернатор Барбадоса, Филип Уоррен с утра пребывал в смешанных чувствах. Война была самым подходящим событием для зарождения славных замыслов, обещающих в будущем вполне рельефные дивиденды. Мозг мистера Филипа напряженно работал. Небольшая эскадра, отданная в полное распоряжение губернатора и служившая гарантом безопасности острова, простаивала зря. А план был намечен, место и время известны, но риск, риск оказаться скомпрометированным, отравлял предвкушение блаженства. Губернатор про-

шелся от стола к окну и обратно. Взял в руки звонок.

– Майора Хиггинса ко мне.

Спустя время в кабинет вошел невысокий сухой господин, лет пятидесяти, с лицом весьма сосредоточенным и испуганным одновременно.

– А, вот и вы, наконец, – произнес губернатор, жестом предлагая майору сесть.

– Чем могу быть полезен, сэр? – ответил офицер, робко присаживаясь на край стула.

– Скажите, майор, – опускаясь в кресло напротив, томно проговорил Уоррен. – Вы любите делиться?

– Сэр? – в недоумении приподняв разросшиеся как дикий кустарник брови, спросил Хиггинс.

– Мне нужны люди, майор. Смелые люди, я сказал бы, отчаянные, с хорошей огневой мощностью, которых можно было бы впоследствии принести в жертву.

– Ваше превосходительство, – произнес озадаченный майор. – Видимо я, не совсем понимаю вас, каких людей вы имеете в виду?

– Теперь совершенно ясно, милейший мистер Хиггинс, почему вы, в столь серьезном возрасте носите майорский мундир, – отрешенно протянул губернатор. – Что ж, у вас есть шанс, дорогой мой, не только получить звание полковника, но и обогатиться. Кроме вас, приходится признать, у меня нет верных людей для столь деликатного дела, и посему мне придется растолковать вам все подробно. – Майор с го-

товностью кивнул. – Видите ли, мне известно, что через два месяца из Портобело выйдет эскадра, содержащее трюмов которой может принести безбедную жизнь не только мне, но и моим недалеким потомкам. Но согласно каперскому свидетельству, львиную долю я должен отдать государству.

– Да, сэр, – кивая, заговорщически произнес Хиггинс.

– Ну? – в нетерпении осведомился Уоррен, раздосадованный майорской недогадливостью. – Пять процентов будут ваши, если вы найдете мне людей со стороны, которые прольют кровь ради нашего предприятия, и которых можно будет спокойно, с чувством выполненного долга, отправить на виселицу или отдать испанцам на растерзанье, срывая авансы и благодарность Отечества. Пиратство, столь блестяще пресеченное в этих водах двадцать лет назад, вновь принимает размах. Война, видите ли, благословляет всякого рода любителей легкой наживы на подвиги. Я слышал, что наши испанские «друзья» опять подвергаются набегам неких лихих молодцов?

– Да, сэр, – вновь мотнул головой Хиггинс. – Это так. Опять поговаривают о какой-то республике «берегового братства».

– Ну, так добудьте мне этих «демократов», майор, – терпя терпение, поднимаясь, отчеканил губернатор. – Устройте мне встречу с кем-нибудь из их главарей.

– Сэр, – просияв, выкрикнул майор. – Я слышал об одном таком парне. Он появился, в этой акватории около года на-

зад и уже заслужил скверную славу. Крайне независим, даже в своей среде. Отчаянно нахальный! Некий Блэкмор. Очертя голову, в бой не вступает, он, видите ли, предпочитает неожиданные подходы. Испанцы дают за его голову пять тысяч песо! То, что нужно!

– Найдите его, полковник! – отчеканил губернатор, желая подзадорить майора.

Майор Хиггинс залился краской, услышав вождеденное обращение.

– После того, как сокровища Портобело будут у меня, а Блэкмор на виселице, я произведу вас в полковники – сбив довольство с лика майора, томно произнес губернатор.

– Сэр, я, – смутившись, пролепетал бедный майор. – Я постараюсь.

– Постарайтесь, постарайтесь, любезнейший, – лениво протянул Уоррен, подходя к стеклянной двери, ведущей на террасу. – Старость у порога, надо встретить ее достойно.

– Единственное, сэр..., – замешкался Хиггинс.

– Что еще? – резко проговорил губернатор. Он устал.

– Как я найду его, – виновато произнес несостоявшийся полковник. – Никто не знает, где логово флибустьеров?

– Чтобы доказать, что вы, мой дорогой, достойны чести повышения, – съязвил Уоррен, – вам необходимо воспользоваться мозгами, которыми вас наделил Господь, дабы отличать вас от ... – губернатор огляделся и хлопнул по крышке стола. – да хотя бы от этой безжизненной деревянной мебе-

ли. И предвосхищая ваш второй вопрос, скажу, чтобы уговорить наших агнцев, не жалейте красочных посулов, но не перегибайте палку, не думаю, что эти ребята столь же сообразительны, как вы, майор. А, вот еще! – Уоррен вновь подошел к своему столу и, опустившись в кресло, написал на бумаге что-то, поставил подпись и, свернув, скрепил письмо печатью. – Передайте это капитану Блэкмору, это нечто вроде индульгенции, разумеется, до поры. Вы должны заставить его поверить.

– Да, сэр, – привычно кивнул Хиггинс. – Я понял.

– Прекрасно! – с нескрываемой иронией, выдохнул губернатор. – Ступайте же, наконец.

Майор вышел из кабинета, вытирая со лба выступившую испарину. Маленький человек на протяжении всей жизни мечтал о своей значимости. Юноше Хиггинсу виделась в грезах блестящая военная карьера, но, то ли не хватило везения, то ли способностей, и, промотавшись всю жизнь на посылках, последние десять лет он коротал на Барбадосе в звании майора без всяких перспектив. Ему было уже под пятьдесят, а семьей он так и не обзавелся. Теперь же замаячила надежда, по крайней мере, провести остаток жизни в достатке, но задача была поставлена практически фантастическая. Искать человека на просторах одного океана уже непростое занятие, а ведь его может носить, где угодно, придется прочесать не только Атлантический, но и Индийский и, возможно, Тихий океаны. На это уйдет не один год. Ха, два месяца!

Такие мысли покрыли туманом мечты Хиггинса о повышении и обогащении. Майор приуныл, ведь у него нет никаких сведений даже о корабле Блэкмора.

Туман стал еще гуще. Но, постояв немного в тени губернаторского сада, майор решительно направился в порт. Внезапно возникшая идея, расспросить моряков, ему понравилась. Они-то точно знают обо всем, что твориться вне суши. Сия зацепка приободрила его.

—8—

— Что за черт! — глядя в подзорную трубу, выругался Рэмбл, стоявший вахту с ночи, уставший и злой — Эй, Кэрри, глянь!

Кэрри, пришедший на смену своему товарищу, взял из его рук оптический инструмент и воззрился в горизонт.

— Та-ак, английский фрегат, 28 пушек, — пробормотал он себе под нос, а потом, обернувшись к Рэмблу, произнес: — Зови капитана.

Удивляться было чему. Действительно, корабль, шедший в нескольких кабельтовых от «Скитальца», вел себя, мягко говоря, странно. Вместо того чтобы пуститься в погоню за пиратами и дать сигнал лечь в дрейф, как это бы сделало любое уважающее себя королевское судно, фрегат держался на значительном расстоянии (недостаточном для выстрела пушки), а в довершение выбросил белый флаг.

Подошел Блэкмор с большим яблоком в руке.

– Что скажешь, капитан? – спросил Кэрри.

Блэкмор, удивленно приподняв брови, так смачно откусил от наливного плода кусок, что брызнул сок.

– Думаю, они не хотят с нами ссориться, – произнес капитан, жуя.

– А вдруг западня? – засомневался, подошедший к ним Биглз.

– Вряд ли, – протянул Блэкмор. – Глупо устраивать западню в открытом море. Ладно, разберемся. – Развернувшись к Биглзу и швырнув огрызок за борт, капитан скомандовал: – Всех наверх, лечь в дрейф! Хорнблоу, приготовить пушки к бою, порты не открывать.

Тем временем фрегат, все также выдерживая дистанцию, зарифив грот, замедлил ход. Позже от корабля отвалила шлюпка. Солнце уже уверенно поднялось над горизонтом, когда со «Скитальца» кинули трап, и на борт взобрался майор Хиггинс. Он всеми силами пытался выглядеть хладнокровно-безразличным, но его лицо, и так не особо здорового цвета, время от времени бледнело.

– Чем обязан такой чести, господин майор? – приветствовал непрошеного гостя Блэкмор, скрестив руки на груди и попыхивая трубкой.

– Вы капитан Блэкмор? – оглядывая молодого моряка, решительно спросил Хиггинс. – Блэкмор ответил поклоном головы, пожалуй, несколько нарочитым. – Я послан к вам с предложением от его превосходительства, губернатора Бар-

бадоса, — весьма важным тоном произнес Хиггинс, протягивая капитану бумагу, подписанную Филиппом Уорреном.

— С предложением? Заманчиво, — произнес Блэкмор, разворачивая бумагу.

— Там написано, что...

— Спасибо, я умею читать, — Блэкмор поднял насмешливый взгляд на расхрабдившегося майора.

Капитан пробежал глазами документ, и, свернув его, передал Биглзу.

— Его превосходительство, — Блэкмор стал оглашать своей команде смысл письма. — Обещает нам полное прощение и двадцать процентов добычи за одну маленькую услугу. — И вновь обратился к Хиггинсу. — А где гарантии, майор, — осведомился капитан, — гарантии нашей безопасности?

Хиггинс выпучил глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.